

АЛКИВИАДЪ ПЕРВЫЙ.

АЛКВИАДЪ ПЕРВЫЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій во всѣ времена занимали мѣсто между прочимъ два діалога, озаглавленные именемъ знаменитаго аѳинскаго полководца Алквивада. Оба они, нося одно и то же заглавіе, не сходны между собою ни по содержанію, ни по достоинству изложенія. Сочиненіе, носящее имя Алквивада перваго, было весьма высоко цѣнимо древними любителями Платонова ученія. Въ этомъ діалогѣ они видѣли начало всей философіи своего корифея, и потому многократно объясняли содержаніе его историческими и филологическими замѣчаніями. Между такими комментаторами мы встрѣчаемъ современнаго Лонгину платоника Демокрита, Ямвлика, Дамасція, Гарпократіона и другихъ. Болѣе же всѣхъ занимались Платоновымъ «Алквивадомъ» Прокль и Олимпіодоръ¹. Притомъ, люди ученые въ разныя времена брали изъ этого діалога и вносили въ контекстъ своихъ сочиненій отдѣльныя мысли и цѣлые монологи; а римскій поэтъ Персій воспользовался его содержаніемъ почти для всей четвертой своей сатиры. Все это, повидимому, могло бы быть достаточнымъ ручательствомъ за подлинность «Алквивада» перваго; но, не смотря на то, въ наше время нѣкоторые критики сильно

¹ *Creutzer*. edit. Procli et Olympiodori. P. I. Fasc. I. p. XIV sqq.
Соч. Плат. Т II.

возстаютъ противъ свидѣтельствъ древности и доказываютъ, что разсматриваемое сочиненіе неправильно приписывается Платону. Въ числу такихъ критиковъ относится не только Асть ¹, который свои приговоры часто утверждаетъ на основаніяхъ недостаточныхъ, но и Шлейермахеръ ², изслѣдователь строгій и осмотрительный. Они находятъ, что въ содержаніи Платонова «Алкивіада» иное не соотвѣтствуетъ обыкновенной методѣ Платона въ изложеніи доказательствъ, другое несовсѣмъ согласно съ духомъ и характеромъ его ученія; а есть, по ихъ мнѣнію, и такія мѣста, которыя противорѣчатъ историческимъ соображеніямъ и обличаютъ въ писателѣ только стараніе подражать Платону. Чтобы виднѣе было, справедливы ли ихъ замѣчанія, мы считаемъ нужнымъ сперва открыть логическую нить изслѣдованій въ разсматриваемомъ разговорѣ, а потомъ опредѣлить его цѣль, показать, подлинны ли частныя мысли его содержанія, обратить вниманіе на характеристическія черты, подъ которыми являются въ немъ Алкивіадъ и Сократъ, и оцѣнить самое его изложеніе. Что же касается до предполагаемыхъ въ немъ историческихъ несообразностей и подражаній, то объ этомъ будемъ имѣть случай сказать, что нужно, въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ «Алкивіада».

На первыхъ страницахъ разсматриваемаго діалога дѣлается вступленіе въ бесѣду и устанавливается главная ея тема. Сократъ говоритъ Алкивіаду: вотъ уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ я не сказалъ съ тобою ни слова, а только со стороны вникалъ въ характеръ твоихъ отношеній къ людямъ. Теперь же, когда всѣ друзья, оттолкнутые твоимъ презрѣніемъ, разбѣжались и оставили тебя одного съ убѣжденіемъ, что благопріятныя твои обстоятельства поставляютъ тебя внѣ всякой зависимости отъ кого бы то ни было, — я пришелъ къ тебѣ и хочу сказать слѣдующее: чрезъ нѣсколько

¹ De vita et script. Plat. p. 435 sqq.

² Opp. Plat. II, 3, p. 293 sqq. и въ примѣч.

дней ты долженъ вступить въ собраніе аѳинскаго народа, куда принесешь такое честолюбіе, съ которымъ устремись къ владычеству надъ всѣмъ греческимъ материкомъ, а если бы достигъ этого, то захотѣлъ бы имѣть вліяніе и на всю Азію. Но никакія личныя и гражданскія твои преимущества не представляютъ тебѣ возможности приобрѣсть столь великую силу: *одинъ только я могу помочь тебѣ въ этомъ отношеніи* (103—105).

Алкивиадъ, юноша самонадѣянный внѣшними своими преимуществами и ими смѣло прикрывающій нравственное свое ничтожество, заинтересовывается такимъ положеніемъ Сократа и какбы въ тонѣ насмѣшливомъ требуетъ, чтобы онъ доказалъ свою мысль. Сократъ доказываетъ ее слѣдующимъ образомъ: Еслибы тогда, какъ ты, взошедши на каеэдру, станешь подавать Аѳинянамъ совѣты, я спросилъ тебя: лучше ли всѣхъ знаешь ты то, что совѣтуешь; то, конечно, услышалъ бы отъ тебя отвѣтъ положительный. Однакожъ онъ не вывелъ бы меня изъ сомнѣнія; ибо что мы знаемъ, то либо у другихъ переняли, либо сами измыслили. А ты, чему научился отъ другихъ, — на примѣръ, музыкѣ, фехтованью, грамотѣ, — о томъ не захотѣлъ бы давать совѣты въ народныхъ собраніяхъ; касательно же чего теперь хочешь совѣтовать и въ чемъ признаешь себя знающимъ, — на примѣръ, относительно мира и войны, — тому ты никогда не учился. Вѣдь въ подобныхъ случаяхъ надобно знать, съ кѣмъ заключить миръ и съ кѣмъ вести войну, съ кѣмъ лучше и на сколько времени лучше то и другое. А это все *должно основываться на справедливости* (106 А—106 С).

Пришедши къ сему положенію, Сократъ далѣе доказываетъ, что Алкивиадъ никогда и ни отъ кого не могъ узнать, что такое—справедливость и несправедливость. До возраста отроческаго, говоритъ онъ, познаніе столь важнаго предмета вовсе невозможно. А въ отрочествѣ, обращаясь съ сверстниками, ты былъ уже увѣренъ, будто-бы ясно разумѣешь это. Кто же научилъ тебя? Народъ, говоришь ты. Но на-

родъ не въ состояніи научить не только справедливости, даже шашечной игрѣ. Правда, онъ хорошій учитель греческаго языка; потому что одну и ту же вещь всѣ Греки называютъ однимъ и тѣмъ же словомъ, и несогласія въ этомъ отношеніи не бываетъ: но, касательно справедливости и несправедливости, народы столь несогласны между собою, что по этому поводу вступаютъ въ войну одинъ съ другимъ. Если же народъ не знаетъ, что справедливо и несправедливо, то и ты, ученикъ народа, *не разумѣешь, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость* (109 E—113 C).

Согласившись въ этомъ, Алкивиадъ не хочетъ однакожъ отказаться отъ права давать совѣты народу и старается защитить его новымъ взглядомъ на дѣло народнаго оратора. Народъ, говоритъ онъ, рѣдко рассуждаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, но болѣе — о полезномъ и вредномъ; полезное же не всегда бываетъ справедливо, равно какъ вредное — не всегда несправедливо. Явно, что этотъ новый вопросъ не избавлялъ Алкивиада отъ неприятной необходимости отвѣчать, знаетъ ли онъ, что полезно и что вредно, и у кого научился такому знанію: но Сократъ опровергаетъ своего собесѣдника съ другой стороны. Все справедливое, говоритъ онъ, прекрасно; а все прекрасное добро; слѣдовательно и все справедливое добро, и доброты отъ справедливости отдѣлять невозможно. Потомъ, кто поступаетъ хорошо, тотъ счастливъ, то-есть, пріобрѣтаетъ себѣ пользу; но кто справедливъ, тотъ поступаетъ хорошо; слѣдовательно, кто справедливъ, тотъ счастливъ, то-есть пріобрѣтаетъ себѣ пользу. А изъ этого открывается, что *польза неотдѣлима отъ справедливости* (113 D — 116 D).

Послѣ сего Алкивиадъ приходитъ къ сознанію, что у него кружится голова и что объ одномъ и томъ же онъ полагаетъ то тѣ, то другое. Сократъ беретъ объяснить ему это состояніе и говоритъ: Если объ одномъ и томъ же ты полагаешь то тѣ, то другое; то предмета, о которомъ судишь, не знаешь. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ никогда не про-

творѣчить себѣ, кто утверждаетъ то, что знаетъ. Равнымъ образомъ никогда не впадаетъ въ противорѣчія и тотъ, кто, не зная чего-нибудь, такъ и говоритъ, что не знаетъ. Противорѣчатъ сами себѣ только тѣ, которые, не зная чего-нибудь, думаютъ, будто знаютъ это. Итакъ твое состояніе есть состояніе несознательнаго и самомнительнаго невѣжды, и оно тѣмъ хуже, чѣмъ важнѣе тѣ предметы, въ отношеніи къ которымъ ты считаешь себя знающимъ, тогда какъ вовсе не знаешь ихъ, то-есть, въ отношеніи къ справедливому, прекрасному, доброму и полезному. Итакъ, *ты худо дѣлаешь, что спѣшишь принять участіе въ управленіи республикою, не зная того, что необходимо знать правителю* (116 D—119 C).

Находя обличеніе Сократа справедливымъ, Алкивіадъ не признаетъ однакожъ нужнымъ учиться тому, чего онъ не знаетъ; потому что аѣинскою республикою управляютъ тоже не мудрецы, но люди большею частію слабые и необразованные, предъ которыми онъ, по своимъ способностямъ и другимъ качествамъ, и безъ науки будетъ имѣть преимущество. Эта представленная Алкивіадомъ оборона невѣжества подаетъ Сократу поводъ къ изложенію такихъ мыслей, которыя совершенно обезоруживаютъ его собесѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ разговору высокій интересъ. Твои слова, говоритъ Сократъ, унижаютъ личныя твои достоинства. Вступая въ управленіе республикою, ты долженъ бороться не съ домашними, а съ иноземными врагами, и стараться пріобрѣсть способы для одержанія побѣды надъ ними. Правителю мало—умѣть удовлетворять обыденнымъ потребностямъ общества; онъ своими совершенствами обязанъ стать выше тѣхъ народныхъ вождей, которыхъ мы имѣемъ причины особенно бояться и съ которыми часто ведемъ войны, — именно выше царей лакедемонскаго и персидскаго. А царственныя достоинства правителей Лакедемона и Персіи — и по происхожденію, и по воспитанію, и по богатству ихъ, таковы, что твои, въ сравненіи съ ни-

ми, ничего не значать. Этимъ представленіемъ Сократъ совершенно обуздываетъ кичливость Алквивіада и приводитъ его къ вопросу: *что же надобно мнѣ дѣлать, чтобы быть достойнымъ правителемъ республики?* (119 С—124 В).

Приступая къ рѣшенію предложеннаго вопроса, Сократъ, по обыкновенію, избѣгаетъ тона догматическаго и продолжаетъ держаться методы эротематической. Будемъ, говоритъ онъ, изслѣдывать вмѣстѣ, что должны мы дѣлать, чтобы оказаться добрыми и мудрыми. Отвѣчая на вопросы Сократа, Алквивіадъ для этой цѣли представляетъ необходимымъ знаніе искусства управлять обществомъ и, изслѣдывая, что надобно разумѣть подъ именемъ сего искусства, приходитъ къ заключенію, что оно должно состоять въ умѣнны управлять людьми, дѣлающими что-нибудь сообща. Но это понятіе, бывъ приложено Сократомъ къ такимъ общимъ дѣйствіямъ, каковы, на примѣръ, дѣйствія матросовъ на кораблѣ, пѣвчихъ въ хорѣ, плясунговъ въ хороводѣ, оказывается слишкомъ обширнымъ. Посему Алквивіадъ ограничиваетъ его и полагаетъ, что искусство управлять людьми касается человѣческихъ дѣлъ, совершаемыхъ сообща въ жизни гражданской, и достигаетъ своей цѣли добрымъ совѣтомъ. А добрый совѣтъ, говоритъ онъ, долженъ клониться къ тому, чтобы общество лучше и развивалось и сохранялось. Развивается же и сохраняется оно лучше тогда, когда между гражданами царствуетъ любовь, состоящая во взаимномъ ихъ согласіи и единомысліи. Но при этомъ Сократъ спросилъ: что должны дѣлать граждане, чтобы между ними сохранилось согласіе? Они должны, отвѣчаетъ Алквивіадъ, дѣлать каждый свое. Если же каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое, возразилъ Сократъ, то у нихъ произойдетъ несогласіе и вражда, и такимъ выводомъ показываетъ, что его собесѣдникъ составилъ неправильное понятіе о любви. На это возраженіе Алквивіадъ ничего не могъ отвѣчать и снова признался въ своемъ незнаніи. Тогда Сократъ, доказавъ, что молодой собесѣдникъ его нетоль-

ко не приготовился къ управленію республикою, но и не разумѣеть, что нужно дѣлать, чтобы приготовиться къ этому, — какбы ободряетъ его и, подъ видомъ ободренія, предлагаетъ ему общее и главное правило приготовленія себя къ достиженію задуманной имъ цѣли. Не унывай, говоритъ онъ, но *заботься о себѣ* (124 В—127 D).

Очевидно, что это правило съ перваго взгляда должно было представляться Алкивіаду слишкомъ неопредѣленнымъ. Посему Сократъ дальнѣйшіе свои вопросы начинаетъ направлять къ опредѣленію его. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на значеніе слова «о себѣ» и указываетъ различіе между «собою», «своимъ» и «принадлежащимъ къ своему». То, посредствомъ чего мы дѣлаемъ что-нибудь, говоритъ онъ, не есть «мы», а есть «наше» — это надобно почитать только орудіемъ нашего я. Такъ,—глаза, уши, руки и все тѣло суть «наше», а не «мы»; что же касается до вещей, относящихся къ орудіямъ нашего я, то онѣ даже и не «наше», а только бываютъ принадлежностями чего-либо «нашего». Такъ,—палецъ есть «наше», а перстень на пальцѣ лишь относится къ «нашему». Изъ этого явствуется, что человѣкъ не есть ничто, служащее тѣлу, не есть равнымъ образомъ и тѣло, поколику оно имѣетъ значеніе служебнаго начала души и находится подъ ея управленіемъ. Человѣкъ въ собственномъ смыслѣ есть только душа. Посему, кто заботится о богатствѣ, о почестяхъ, о красотѣ и проч., тотъ заботится вовсе не о человѣкѣ. Не человѣка также имѣютъ въ виду и тѣ, которые знакомы съ какимъ-нибудь искусствомъ усовершенствовать свое тѣло. *Заботиться о себѣ, какъ о человѣкѣ, значитъ, пеиись о своей душѣ*, и на этомъ только основаніи, Алкивіадъ, утверждаетъ моя любовь къ тебѣ (127 D—132 В).

Но попеченіе о душѣ есть понятіе, все еще не довольно ограниченное. Поэтому Алкивіадъ обнаруживаетъ желаніе изслѣдовать, какимъ образомъ душа можетъ быть предметомъ попеченія. Чтобы удовлетворить его желанію, Со-

кратъ напоминаетъ ему о дельфійской надписи: «познай самого себя», и способъ самопознанія прекрасно объясняетъ слѣдующимъ сравненіемъ. Какъ око тѣла, еслибы ему надлежало видѣть себя, должно было бы достигнуть этого чрезъ смотрѣніе на вещь, въ которой оно отражалось бы, напримѣръ, чрезъ смотрѣніе на глазной зрачокъ кого-либо другаго: такъ и душа, если надобно ей познать себя, должна всматриваться въ божественное начало жизни, въ которомъ она отражается. Но созерцаніе божественнаго въ себѣ производится разсудительностію, безъ которой нельзя знать себя. *Итакъ единственный способъ самопознанія есть разсудительность* (132 В—133 Е).

Если же въ человѣкѣ нѣтъ разсудительности, т. е., если онъ не знаетъ, что для его души хорошо или худо, что приносить ей вредъ или пользу; то нельзя ему знать и того, что надобно почитать добромъ или зломъ для другихъ. Посему человѣкъ безъ разсудительности, не будучи въ состояніи пецись о себѣ, тѣмъ менѣе можетъ приносить пользу обществу; и еслибы въ этомъ состояніи взялся онъ за управленіе дѣлами общественными, то, не зная того, что полезно или вредно другимъ, поставилъ бы общество въ обстоятельства весьма неблагопріятныя. *Итакъ, пока разсудительность еще не приобрѣтена, лучше управляться къмъ-нибудь другимъ, чѣмъ самому управлять обществомъ* (133 Е—135 В).

Къ этой мысли Сократъ пришелъ, какъ къ послѣднему результату бесѣды. Послѣ сего ему оставалось только закончить свое разсужденіе обращеніемъ къ Алкивіаду и внушить ему, чтобы слово перевелъ онъ въ правило, а правило оправдалъ самымъ дѣломъ. Видишь-ли теперь, Алкивіадъ, говоритъ Сократъ, въ какомъ ты состояніи? это—состояніе рабства, а не свободы: потому что злу естественно рабствовать, а наслаждаться свободою свойственно добродѣтели. Алкивіадъ совершенно соглашается съ заключеніемъ Сократа и обѣщаетъ отнынѣ обмѣняться съ нимъ ролюю: т. е., какъ прежде Со-

кратъ ходилъ за нимъ, чтобы наблюдать надъ образомъ его мыслей и дѣйствій; такъ теперъ онъ самъ будетъ ходить за Сократомъ, чтобы учиться у него разсудительности и сдѣлаться достойнымъ совѣтникомъ общества. Твое намѣреніе благородно, говоритъ на это Сократъ; но *боюсь, какъ бы народъ не пересилилъ и меня и тебя* (135 В — Е). Этимъ краткимъ, загадочнымъ замѣчаніемъ оканчивается разговоръ Сократа съ Алкивиадомъ.

Разсматривая ходъ главныхъ мыслей въ «Алкивиадѣ» и обращая вниманіе на связность и зависимость ихъ, мы съ этой стороны не видимъ въ немъ ничего, несогласнаго съ методою изложенія истинъ въ прочихъ разговорахъ Платона. Правда, діалогическая форма его не довольно сложна и заключаетъ въ себѣ мало искусственности; нить бесѣды въ немъ тянется весьма замѣтно и не затрудняетъ наблюденія; индукція здѣсь недалеко уходитъ отъ главной своей темы; а сократическая иронія рѣдка и не такъ игрива, какъ во многихъ другихъ Платоновыхъ сочиненіяхъ. За то въ продолженіе всего разговора съ какою вѣрностію выдерживается свойственный Сократу способъ постепеннаго ограниченія предмета! Какъ разнороденъ составъ входящихъ въ него мыслей и, не смотря на то, какъ послѣдователенъ, связенъ и строенъ ходъ ихъ! По всесторонности содержанія въ «Алкивиадѣ», или по краткому изложенію въ немъ началъ почти всего, чему училъ Платонъ, этотъ діалогъ можно назвать энциклопедіею Платоновой философіи. Оттого-то еще древніе весьма высоко цѣнили его между прочимъ со стороны педагогической; такъ что, когда юноши желали читать Платона, — обыкновенно совѣтовали имъ начинать чтеніе именно «Алкивиадомъ.» Не менѣе согласно съ платоническимъ характеромъ изложенія мыслей и то, что заключенія въ этомъ разговорѣ скрываютъ въ себѣ основанія для новыхъ заключеній, которыя однакожъ не высказываются, а только полагаютъ въ душѣ читателя плодоносное сѣмя для размышленія. Тутъ ясно видѣнъ Сократъ, философствующій примѣнительно къ

искуству матери своей Фенареты. «Съ моими слушателями, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ ¹, бываетъ то же, что съ родильницами: они страдаютъ болями день и ночь, — еще сильнѣе, чѣмъ послѣднія. Возбуждать эти боли и унимать ихъ есть дѣло моего искусства.»

Подозрѣніе критиковъ въ подложности Алквиада основывается преимущественно на невѣрно понимаемой цѣли этого разговора. Асть полагаетъ, что «Алквиадъ» есть неудачное истолкованіе Сократовой любви къ Алквиаду, высказанной въ Платоновомъ Симпосіонѣ ², гдѣ слова Алквиада *ἀναγκάζει γὰρ με ἐμολογεῖν, ὅτι πολλοῦ ἐνδεῆς ὡν αὐτὸς ἔτι ἐμαυτοῦ μὲν ἀμελῶ, τὰ δὲ Ἀθηναίων πρᾶττω*, — составляютъ будто бы самую его тему. По мнѣнію Аста, писатель этого сочиненія старается защитить Сократа отъ нареканій въ предосудительномъ обращеніи его съ Алквиадомъ и внушить читателямъ, что сынъ Софрониска привязывалъ къ себѣ своего ученика узами любви нравственной, основанной на добродѣтели и справедливости. Но такое представленіе цѣли этого діалога кажется намъ вовсе не справедливымъ; потому что, принявъ его за вѣрное, нельзя было бы почитать умѣстными въ этомъ разговорѣ многія вошедшія въ составъ его изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, какую связь имѣли-бы тогда съ предполагаемой Астомъ цѣлію всѣ мысли Сократа объ аѳинскомъ народѣ, что, то-есть, онъ — плохой учитель юношества, что имъ самимъ управляютъ люди слабые и невѣжды, и что съ другой стороны въ его рукахъ много силы, могущей одолѣть не только Алквиада, но и Сократа? Съ этою послѣднею мыслию разговора мы соединяемъ особенно важное значеніе и думаемъ, что она самую свою загадочностію вѣрно указываетъ цѣль разсматриваемой бесѣды. Внимательно слѣдуя за направленіемъ всѣхъ ея мыслей и каждую изъ нихъ почитая необходимою частію въ составѣ цѣлаго, кажется, естественно приходишь къ заключе-

¹ Theaet. 149.

² Sympos. 216.

нію, что цѣлю, какую представлялъ себѣ писатель этой бесѣды, было—открыть истинную причину превратныхъ понятій и дѣйствій Алкивіада въ нѣдрѣ аѳинской республики, что онъ развращенъ былъ не внушеніями Сократа, а легкомысленностію аѳинскаго народа, и что Сократъ, прежде чѣмъ ученикъ его вступилъ на народную кафедру, пробудилъ въ немъ любовь къ разсудительности. Эту именно цѣль Платонова «Алкивіада» предполагалъ и Персіей ¹, примѣняя его содержаніе къ характеру римской трибуны.

Rem populi tractas — — —

Quo fretus? Dic, ô magni pupille Pericli!

Scilicet, ingenium et rerum prudentia velox

Ante pilos venit? dicenda tacendaque calles?

Expecta: haud aliud respondeat haec anus.. I nunc:

Dinomaches ego sum! Suffla: sum candidus! Esto.

Dum ne deterius sapiat pannucea Baucis,

Cum bene distincto cantaverit ocima vernae.

Представляя такую цѣль разсматриваемаго діалога, мы теперь ясно видимъ, въ чемъ состоитъ ошибка Аста. Овъ выдвигаетъ на первый планъ изслѣдованія мысль, имѣющую значеніе слишкомъ частное, и служащую почти всегдашнею у Сократа формою ироніи:—разумѣемъ напоминаніе его о любви къ Алкивіаду. Это напоминаніе, сдѣланное при самомъ вступленіи въ разговоръ, очевидно, есть только оборотъ рѣчи *πρὸς χάριν*, которымъ Сократъ, по своему обыкновенію, воспользовался для начатія изслѣдованій предположенной имъ темы; а къ ходу и цѣли бесѣды, какъ показываетъ самое ея содержаніе, оно не имѣетъ никакого отношенія. Впрочемъ, подобныя недоразумѣнія критики касательно «Алкивіада» бывали и прежде. Извѣстно, что въ Стефановомъ изданіи Платоновыхъ сочиненій разсматриваемый разговоръ обозначенъ вторичнымъ или объяснительнымъ заглавіемъ. Желая указать на самое его содержаніе, издатель озаглавилъ

¹ *Pers. Sat. IV.*

его такъ: *Αλκιβιάδης πρώτος, ἡ περί τῆς ἀνθρώπου φύσεως*. Это послѣднее или матеріальное заглавіе онъ прибавилъ, конечно, потому, что изложенную въ діалогѣ мысль о самопознаніи и о томъ, въ чемъ собственно состоитъ природа чело-вѣка, почиталъ мыслию главною, тогда какъ изъ хода бесѣды видно, что она здѣсь раскрывается въ значеніи ученія только посредствующаго, направленнаго къ рѣшенію вопроса: какъ надобно заботиться о себѣ, чтобы приготовиться къ прохожденію поприща государственной службы.

Итакъ правильное понятіе о содержаніи Алкивіада должно основываться на вѣрномъ уразумѣніи его цѣли; а вѣрно уразумѣть его цѣль можно не иначе, какъ чрезъ внимательное разсмотрѣніе того, что въ немъ есть главное и второ-степенное. Почитая главною и особенно выпуклою его мыслию мнѣніе Сократа о легкомысленности аѣинскаго народа и загадочное его опасеніе, какъ бы народъ не уничтожилъ и самыхъ добрыхъ намѣреній сына Клиніасова, мы въ правѣ смотрѣть на этотъ разговоръ, какъ на опроверженіе того распространившагося между Аѣинянами мнѣнія, будто Сократъ діалектическими своими изслѣдованіями развращалъ современное юношество, особенно же причинилъ республикѣ много зла своимъ вліяніемъ на Алкивіада и Критіаса, поправшихъ законы отечества и устремившихся къ неограниченной тиранніи ¹. Внимая этому обидному для памяти Сократа и несправедливому обвиненію, признательный ученикъ его Платонъ естественно могъ рѣшиться защитить своего учителя и въ защиту его написать такой діалогъ, который показывалъ бы самымъ дѣломъ, къ чему наклонялъ Сократъ юную, но сильную и энергическую душу Алкивіада, и сколько пользы принесъ бы онъ обществу, еслибы народъ въ своихъ согражданахъ цѣнилъ не лесть, а истинное дарованіе и доблесть нравственную. Что же касается частныхъ мыслей Сократа въ «Алкивіадѣ», то мнѣніе, напримѣръ, о гибельномъ

¹ *Xenoph. memor. 1, 2, 12. Aeschin. adv. Timarch. p. 169 ed. Reisk.*

вліяніи аѳинскаго народа на юношество, и о томъ, что онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость, есть, очевидно, платоновское, какъ это видно изъ снесенія его съ мыслями многихъ, несомнѣнно Платоновыхъ сочиненій, особенно съ нѣкоторыми положеніями въ *Gorgias* и *Государствѣ*. То же надобно сказать и о другихъ мѣстахъ «*Алкивіада*», въ которыхъ Сократъ бесѣдуетъ о душѣ, какъ существенной части человѣка, имѣющей божественное происхожденіе, и потому сродной съ божественными предметами. Стоитъ только вспомнить весьма замѣтные отдѣлы *Филеба*, *Федона*, *Тимея* и нѣкоторыя изслѣдованія въ книгѣ о *Законахъ*¹, чтобы увѣриться, что эти положенія были философемами Платона и Сократа. А ученіе о самопознаніи въ томъ же самомъ смыслѣ излагается и въ *Федрѣ*, и въ *Хармидѣ*, и во многихъ другихъ Платоновыхъ разговорахъ. Вообще въ содержаніи разсматриваемаго діалога не представляется ничего такого, что было бы чуждо Платону и давало бы достаточныя основанія сомнѣваться въ подлинности этого сочиненія.

Подвергая сомнѣнію подлинность его, Астъ и Шлейермахеръ основываются особенно на томъ, что будто бы въ немъ невѣрно выставлены характеры Алкивіада и Сократа. Алкивіадъ, съ пламенными своими способностями, энергическимъ чувствомъ сердца и сознаниемъ личныхъ своихъ достоинствъ, въ этомъ діалогѣ, говорятъ они, такъ ребячески слабъ и безхарактеренъ, что нетолько равнодушно выслушиваетъ выраженія Сократа, обидныя для его самолюбія, но еще слѣдуетъ за направлениемъ его вопросовъ, какъ тѣнь за тѣломъ, и наконецъ совершенно предается его водительству. Это замѣчаніе критиковъ, вообще справедливое, не доказываетъ однакожъ подложности разговора. Самомнѣніе и заносчивость Алкивіада выказываются въ самомъ началѣ бесѣды его съ Сократомъ, а потомъ не менѣе обна-

¹ *Phaed.* p. 80 A. 94 B. — *Phileb.* p. 16. C.—*Legg.* V. Кроме того см. *Xenoph. mem.* 1. 4, 8. *Cicer. de N. D.* II, 6, III, 11.

руживаются, когда онъ начинаетъ сравнивать себя съ тогдашними правителями народа. Но должно замѣтить, что и по свидѣтельству исторіи ¹, Алкивіадъ имѣлъ душу чрезвычайно измѣнчивую и непостоянную. Первая, высказанная Сократомъ мысль, что Богъ доселѣ не позволялъ ему бесѣдовать съ Алкивіадомъ, кажется, потому, что прежде бесѣда ихъ могла быть напрасна, а теперь Онъ велитъ,—эта первая мысль, имѣющая характеръ истинно сократическій, естественно могла расположить сына Клиніасова ко вниманію. Когда же потомъ Сократъ сказалъ, что безъ его помощи Алкивіаду невозможно достигнуть политической своей цѣли, молодой и горячій мечтатель о лаврахъ народнаго вождя долженъ былъ совершенно увлечься словами своего учителя и спокойно выслушивать даже его обличенія. Впрочемъ, это отнюдь не удоставляетъ Сократа въ томъ, что онъ устоитъ въ своей рѣшимости, что народъ не сумѣетъ овладѣть гибкою и воспріимчивою его душою. И такъ характеръ Алкивіада обрисовывается здѣсь чертами, дѣйствительно ему принадлежащими. Не менѣе вѣренъ себѣ въ «Алкивіадѣ» и Сократъ. Критики находятъ, что онъ въ самомъ началѣ разговора не выдерживаетъ той скромности, которою въ другихъ діалогахъ такъ искусно прикрываетъ свое знаніе, и слишкомъ самоувѣренно говоритъ, что Алкивіадъ безъ его помощи не сдѣлаетъ ничего хорошаго. Но должно замѣтить, что сынъ Софрониска въ этомъ мѣстѣ ограждается авторитетомъ воли Божіей, подобно тому, какъ въ Федрѣ, ссылаясь на божественное воодушевленіе, проноситъ рѣчь въ похвалу Эроса и обличаетъ Лизіаса въ его грѣхъ противъ бога любви ². Притомъ помощь, которую онъ намѣревается предложить Алкивіаду, должна была направляться только къ тому, чтобы пробудить въ немъ со-

¹ *Corn. Nep. Alc. Cap. 1 et 2. Xenoph. memor. 1, 2, 18. Οἶδα δὲ κάκεινω (Critiam et Alcibiadem) σοφροῦντε, ἔστε Σωκράτει συνήστην, οὐ φοβούμενω, μὴ ζημιούητο ἢ καίοντο ὑπὸ Σωκράτους; ἀλλ' οἰομένοι τότε κράτιστον εἶναι οὕτω πράττειν.*
Снес. прекрасное мѣсто *Symp. p. 216.*

² *Phaedr. 241 E. 244 A.*

знаніе своего незнанія; а съ такою помощію является онъ почти во всѣхъ разговорахъ Платона, и оказываетъ ее каждому, почитающему себя знатокомъ изслѣдываемаго предмета. Нисколько не чуждо характеру Сократа и то, что, заставивъ Алкивіада сознать свое незнаніе, онъ повидимому несовсѣмъ вѣжливо описываетъ его состояніе. Кто находитъ въ этомъ несообразность, тотъ забываетъ, что Сократъ здѣсь бесѣдуетъ не съ софистомъ, который хвастался бы своимъ знаніемъ, а съ любимымъ ученикомъ, который тщеславится только своимъ богатствомъ, происхожденіемъ и красотою.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ изложеніи или о внѣшней формѣ разсматриваемаго діалога. Съ этой стороны онъ не нравился критикамъ прежде всего потому, что Сократъ въ немъ часто пускается въ длинныя разсужденія, — чего, говорятъ они, не дѣлаетъ въ другихъ разговорахъ Платона. Но, вникая въ содержаніе этихъ длинныхъ монологовъ, мы замѣчаемъ, что они, по самому существу своему, не могли быть изложены въ формѣ діалогической; ибо состоятъ большею частію изъ разсказовъ о какихъ-нибудь вводныхъ предметахъ. Да и то несправедливо, будто въ другихъ діалогахъ Сократъ всегда кратокъ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ разсужденія его столь обширны, что иногда развиваются въ формѣ цѣлыхъ рѣчей. Таковы, на примѣръ, они въ первой части Федра, во многихъ мѣстахъ Государства, Критона, Федона и др. Изложеніе Платонова «Алкивіада» заключаетъ въ себѣ только одинъ недостатокъ, котораго оправдать никакъ не возможно: это — растянутость рѣчи, излишнее усиліе Сократа научить Алкивіада тому, что онъ долженъ былъ знать и безъ науки, въ чемъ никто не сомнѣвается и что ясно само по себѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣтны мѣста: р. 117 В. С. и р. 124 D sqq. Имѣя ихъ въ виду, критика дѣйствительно могла усомниться въ подлинности разсматриваемаго діалога и придти къ заключенію, что онъ есть произведеніе ума еще неопытнаго, незнакомаго съ искусствомъ управлять діа-

лектической методою. Не думая оправдывать этого недостатка, мы въ правѣ однакожь замѣтить, что несправедливо было бы полагать, будто всѣ сочиненія Платона должны имѣть равныя литературныя достоинства. Весьма вѣроятно, что умственные плоды его юности далеко не были столь совершенны, какъ тѣ, которые изданы имъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Притомъ извѣстно, что Платонъ до самой смерти исправлялъ и обрабатывалъ свои діалоги. Почему же не допустить, что дѣло исправленія не успѣло коснуться «Алкивиада», и что онъ послѣ смерти своего писателя остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ набросанъ юношескою тростию Платона? А что «Алкивиадъ» написанъ Платономъ дѣйствительно въ ранней его молодости, можно заключать изъ того, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на позднѣйшую судьбу Сократа. Напротивъ, видно, что во время его написанія, народная молва только еще начинала обвинять сына Софронискова въ развращеніи юношества. Притомъ надобно замѣтить, что Платонъ, конечно, не безъ причины начинаетъ этотъ діалогъ упоминаніемъ о любви Сократа къ Алкивиаду. Плутархъ говоритъ (I. c.)¹, что Алкивиадъ, сдѣлавшись ученикомъ Сократа, сталъ обнаруживать явное презрѣніе ко многимъ своимъ сверстникамъ и, между прочими, къ Аниту. Посему Платонъ, излагая это свое сочиненіе, могъ направлять его и къ вразумленію Анита съ его товарищами, когда они рѣшались сдѣлать доносъ на Сократа,—т. е. могъ имѣть въ виду ту мысль, что Сократъ, любя Алкивиада, располагалъ его не къ враждѣ противъ сверстниковъ, а къ справедливости. Итакъ если этого діалога, по изложенію его, нельзя почитать отличнымъ, то нельзя также, ради одного упомянутаго недостатка, относить его и къ сочиненіямъ подложнымъ.

¹ De vita Alcib. C. 4, ὅστε θαυμάζειν πάντας, ἔροντας αὐτὸν Σωκράτης μὲν συνδεικνύοντα καὶ συμπλακίοντα καὶ συσκηνοῦντα, τοῖς δὲ ἄλοις ἐρασταῖς χαλεπὸν οὖντα καὶ δυσχείροτον, ἐνίοις δὲ καὶ παντάπασι σοβαρῶς προσφερόμενον ὥσπερ Ἄνυτον τῷ Ἀνθεμιῶνι, ἐτύχχανε μὲν γὰρ καὶ οὗτος ἔρῳ τοῦ Ἀλκιβιάδου.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ :

СОКРАТЪ И АЛКИБІАДЪ.

Сокр. Ты удивляешься, думаю, сынъ Клиніаса, что, полюбивъ тебя прежде всѣхъ, я одинъ теперъ не отстаю отъ тебя, когда прочіе уже отстали, и что между тѣмъ какъ другіе надоѣдали¹ тебѣ своими бесѣдами, я, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ², не сказалъ съ тобою ни одного слова.

¹ *Надоѣдали тебѣ*; — δι' ὄχλου γενέσθαι τι — греческій идиотизмъ, встрѣчающійся у многихъ древнихъ писателей, значить: причинять досаду. *Thucyd.* 1. 73. Εἰ καὶ δι' ὄχλου μᾶλλον ἔσται αἰεὶ προβαλλομένοις ἀνάγκη λέγειν. *Dionys. Hal.* T. V. p. 471 ed. Reisk. δι' ὄχλου γὰρ ἦδη τοῦτο γε. etc.

² *Въ продолженіе столь многихъ лѣтъ.* Зифернъ въ своемъ разсужденіи объ Аристофановыхъ «Облакахъ» недоумѣваетъ, какимъ образомъ слова Платона,—что когда Алкивіаду было около двадцати лѣтъ отъ роду, Сократъ не бесѣдовалъ съ нимъ многіе годы,—согласить съ словами Олимпіодора (p. 89. 1), что они находились между собою въ дружескихъ отношеніяхъ при отступленіи Аѣнианъ отъ Деліи, а это происходило, когда живъ еще былъ Периклъ, слѣдовательно пятью годами прежде того времени, въ которое Алкивіадъ вступилъ въ права гражданина. Но, обращая вниманіе на выраженіе въ этомъ діалогѣ (p. 103 В), надобно предположить, что разговоръ Сократа съ Алкивіадомъ происходилъ еще при жизни Перикла. А какъ до этого разговора Сократъ не бесѣдовалъ съ сыномъ Клиніасовымъ, то настоящую бесѣду его надобно относить къ третьему или второму году до сраженія при Потидеѣ; ибо и въ Симпосіонѣ Платоновомъ говорится (219 E sqq.), что въ это именно время завязалась тѣсная дружба между Сократомъ и Алкивіадомъ. Къ тому же времени подходило и совершеннолѣтіе Алкивіада, т. е. осмнадцатилѣтній возрастъ его жизни, въ которомъ, по аѣнскимъ законамъ, юношѣ позволялось уже имѣть голосъ въ народныхъ собраніяхъ (Menex. 234 А). Слѣдовательно Алкивіадъ участвовалъ въ потидейскомъ сраженіи, имѣя отъ роду около двадцати лѣтъ. Впрочемъ, ранѣе этого онъ и не могъ быть ни въ какомъ заграничномъ походѣ; потому-что юноши, достигшіе совершеннолѣтія, у Аѣнианъ чрезъ два года исполняли должность τῶν περσιόλων (о чемъ Соч. Плат. Т. II.

Причина этому была не человѣческая, а божественная, которой силу ты узнаешь впоследствии ¹. Теперь она уже не препятствуетъ, и вотъ я пришелъ, надѣясь, что и впредь препятствовать не будетъ. Почти во все это время я внимательно наблюдалъ, какъ ты держишь себя въ отношеніи къ лицамъ, тебя любящимъ. Много было ихъ, и они отличались высокоуміемъ; но не осталось ни одного, который не ^{104.} убѣждалъ бы, побѣжденный твоею разсудительностію. Я раскрою причину ² твоего презрѣнія къ нимъ. Тебѣ, говоришь, ни въ комъ изъ людей и ни для чего нѣтъ надобности; потому что богатство твое велико: всего довольно, начиная съ тѣла до души. Во-первыхъ, ты считаешь себя красивымъ и знатнымъ ³, и всякій ясно видитъ, что не обманываешься. Во-вторыхъ, ты приходишь изъ семейства самаго храбраго ⁴ въ своемъ городѣ, величайшемъ между

см. *Petit. Legg. Attic. p. 653 sq. et Platner. Symbol. ad. Attic. p. 172 sq.*). Съ этимъ согласно и то, что Алкивиада, нѣсколько далѣе (р. 123 D). Сократъ называетъ юношею *ἔτα οὐδέπω γερονδὸν σφόδρα εἰκοσιν*. Итакъ сынъ Софрониска удалялся отъ бесѣды съ Алкивиадомъ, пока онъ не достигъ еще совершеннѣвтія, и только наблюдалъ за нимъ издали: когда же увидѣлъ, что пришло ему время вступить въ народное собраніе, и что онъ, при извѣстномъ руководствѣ, можетъ оказать Аѳинянамъ важную пользу, рѣшился сблизиться съ нимъ и началъ разговоръ. Объ этомъ свидѣлствуютъ Ксенофонтъ (Mem. 1. 2. 16), и Плутархъ (Alcib. 1, p. 34).

¹ *Узнаешь впоследствии* — указываетъ на дальнѣйшее свое доказательство. р. 103. D. Е. Шлейермахеръ замѣчаетъ, что подобныя указанія у Платона не въ обычаѣ; но это значило бы— Платонову рѣчь подвергать слишкомъ строгимъ ограниченіямъ.

² *Я раскрою причину*—*τὸν δὲ λόγον—ἐξέλω διαλεῖν*. Въ сочиненіяхъ Платона это выраженіе обыкновенно значить: *хочу рассмотреть, прослѣдить, объяснить*; а въ этомъ мѣстѣ оно имѣетъ значеніе *открыть причину*. По сему Шлейермахеръ настоящее употребленіе его почитаетъ не платоновскимъ. Однакожъ надобно замѣтить, что оно — чисто греческое; слѣдовательно Платонъ въ другую эпоху своей жизни легко могъ употребить его для означенія другаго оттѣнка мысли.

³ *Красивымъ и знатнымъ* — *καλλιστός τε καὶ μέγιστος*. Такое соединеніе эпитетъ, прилагаемыхъ къ лицу Алкивиады, нисколько не странно. Оно повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій. Менех. р. 235 А. *ἡγούμενος ἐν τῇ παραχρῆμα μέζων καὶ γενναϊότερος καὶ καλλίων γερονέαι*.

⁴ *Изъ семейства самаго храбраго*—*μεγακχιωτάτου γένους*. Этимъ выраженіемъ означается какбы наследственное, фамильное мужество: de Rep. VI p. 503.

городами Эллиновъ; а потому со стороны отца у тебя очень В.
 много знаменитыхъ друзей и родственниковъ, которые,
 еслибы понадобилось, готовы служить тебѣ. Не менѣ ихъ
 и не хуже они также со стороны твоей матери. Но, по твое-
 му мнѣнію, болѣе всѣхъ упомянутыхъ мною лицъ достав-
 ляетъ тебѣ силы Периклъ, сынъ Ксантиппа, котораго твой
 отецъ назначилъ тебѣ и твоему брату въ опекуны, и ко-
 торый не только въ своемъ отечествѣ, но и въ цѣлой Элла-
 дѣ, даже во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ вар-
 варовъ ¹, можетъ дѣлать все, что хочетъ. Я прибавилъ бы
 еще, что ты—одинъ изъ людей богатѣйшихъ; но въ этомъ С.
 отношеніи у тебя мало сомнѣнія. Гордясь такими преиму-
 ществами, ты овладѣлъ всѣми своими любителями, и они,
 какъ слабѣйшіе, подчинились твоей власти. Это тебѣ из-
 вѣстно; а потому, знаю, ты и удивляешься, что за мысль у
 меня—не бросать своей любви, въ какой надеждѣ я остаюсь
 вѣренъ ей, не смотря на бѣгство прочихъ.

Алк. Но, можетъ быть, тебѣ неизвѣстно, Сократъ, что
 ты чуть-чуть предупредилъ меня. Вѣдь я первый думалъ
 придти къ тебѣ и спросить тебя именно объ этомъ, то-есть, D.
 чего ты хочешь и съ какою цѣлію надоѣдаешь мнѣ, за-
 ботливо являясь вездѣ, гдѣ бы я ни бывалъ. Да, для ме-
 ня въ самомъ дѣлѣ удивительно, какое бы могло быть твое
 намѣреніе, и я охотно желалъ бы знать объ этомъ.

Е. *κατακοί τε καὶ μεγαλοπρεπεὶς τὰς διανοίας*. lb. p. 512. E. *κατακοί φύσις*. *Plaut.*
Trinumm. V. 2. 9. *Eum sororem despondisse suam in tam fortem familiam.*
 Отецъ Алквиада былъ Клиніасъ, а дѣдъ—Алквиадъ первый, въ Платоновомъ
 Эвтидемѣ (р. 275. А) называемый *ὁ παλαιός*. У него было два сына: Аксіохъ
 и Клиніасъ, изъ которыхъ послѣдній, по свидѣтельству Геродота (VIII, 17)
 и Плутарха (*Alcib.*), съ отличною похвалою сражался *ἰδιοστόλῳ τριήρει* при
 Артемизии, а сражаясь при Херонѣ въ 2. 83 олимп. вмѣстѣ съ полково-
 дцемъ Толмидою былъ убитъ. Мать Алквиада была Диномаха, дочь Мегелы.
 Происхожденіемъ своимъ по матери онъ гордился повидимому столько же,
 какъ и по отцу. *Palmerii exercitt.* p. 632 sq.

¹ Во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ варваровъ. Къ поколѣніямъ
 варварскимъ относимы были тогда не только жители средней и восточной
 Азіи, но и Европейцы, какъ-то: Македоняне, Фракійцы и другіе народы не-
 греческаго происхожденія.

Сокр. Такъ видно ты будешь слушать меня со вниманіемъ, если, какъ говоришь, желалъ бы знать, что у меня на умѣ. Пожалуй слушай и имѣй терпѣніе,—все скажу.

Алк. Безъ сомнѣнія, буду слушать,—только говори.

Е. *Сокр.* Смотри же; вѣдь нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ трудно мнѣ начать, такъ трудно будетъ и кончить.

Алк. Говори, добрякъ; а я ужъ буду слушать.

Сокр. Приходится говорить ¹. Хотя тому, кто любить, и не легко относиться къ человѣку, который не ниже людей его любящихъ, однакожъ я осмѣлюсь высказать свою мысль. Еслибы я видѣлъ, Алкивиадъ, что ты доволенъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ сейчасъ упомянуто мною, и намѣренъ былъ съ этимъ провести свою жизнь, то давно бы, сколько знаю себя, отказался отъ своей любви. Но теперь я хочу раскрыть предъ самимъ тобою другіе твои помыслы, изъ чего ты уразумѣешь, что я непрестанно наблюдалъ за тобою. Еслибы, кажется, какой-нибудь богъ сказалъ тебѣ: Алкивиадъ! хочешь ли жить, наслаждаясь тѣмъ, что имѣешь, или тотчасъ умереть, если нельзя тебѣ будетъ получить что-нибудь болѣе?—то ты, думаю, избралъ бы смерть ². И я скажу, какая теперь надежда твоей жизни. Ты думаешь, что какъ скоро явишься въ **В.** собраніе аѣинскаго народа,—а это будетъ чрезъ нѣсколь-

¹ *Приходится говорить*—*λεχτέον ἂν εἶη*. Такая же форма выраженія употреблена Theaet. p. 181 B. *Σεπτόν ἂν εἶη, τοῦ γε οὕτω προθυρομένου*. Euthyphr. p. 273 D. *Καλόν ἂν ποῦ τὸ ἔργον ὑμῶν εἶη*. Еслибы эти выраженія Шлейермахеръ имѣлъ въ виду, то не сказалъ бы (p. 514): und wie schlecht steht auch das *λεχτέον ἂν εἶη, da!*

² *Ты, думаю, избралъ бы смерть*. Подобнымъ образомъ говоритъ Ксенофонтъ (Mem. 1, 2, 16) о Критіасѣ и Алкивиадѣ: *ἐγὼ γὰρ ἠροῦμαι, θεοῦ δειδόντος αὐτοῖν ἢ ζῆν ὅλον τὸν βίον ὡς περ ζῶντα Σωκράτην εὖρον, ἢ τεθῆναι ἂν αὐτῷ μᾶλλον τεθῆναι*. Шлейермахеру и это не нравится. Онъ почитаетъ невозможнымъ, чтобы юноша, только-что вступающій въ права гражданина, могъ такъ далеко простираť мечты честолюбія. Но должно представить себѣ и свойства, и обстоятельства, и воспитаніе Алкивиада. Юноша богатый, съ обширными связями, съ пылкими способностями, воспитанный въ домъ Перикла и хорошо понимавшій достоинства оовременныхъ правителей, о чемъ не могъ возмечтать съ самыхъ первыхъ дней вступленія въ народное собраніе!

ко дней, — то докажешь Аѳинянамъ, что стоишь такихъ почестей, какими не пользовался ни Периклъ, никто другой изъ мужей, когда-либо существовавшихъ, и, доказавъ это, приобрѣтешь въ городѣ величайшую силу; приобрѣтши же силу здѣсь, будешь могущественъ и у прочихъ Эллиновъ, да не только у Эллиновъ, даже у варваровъ, обитающихъ на одномъ съ нами материкѣ ¹. Потомъ еслибы тотъ же богъ снова сказалъ тебѣ, что твоя власть должна ограничиваться только Европою, а въ Азію перейти тебѣ будетъ ^C нельзя и къ тамошнимъ дѣламъ рука твоя не прострется: то ты, кажется, не захотѣлъ бы довольствоваться и этимъ, жить безъ надежды — наполнить своимъ именемъ и силою цѣлое, можно сказать, человѣчество. Кромѣ Кира и Ксеркса, для тебя, думаю, нѣтъ человѣка, стоящаго вниманія. Что именно такую воодушевляешься ты надеждою, это я знаю, а не догадываюсь. Но сознаваясь, что я говорю правду, ты, можетъ быть, спросишь: какъ же это, Сократъ, относится къ ^D причинѣ твоей безотвязности, которую ты спѣшилъ-было открыть мнѣ, и по которой не оставляешь меня? Скажу и это, любезный сынъ Клиніаса и Димонахи. Цѣли всѣхъ этихъ помысловъ безъ меня достигнуть ты не можешь: столь велико, думаю, мое вліяніе на тебя и на твои обстоятельства! Потому-то Богъ, давно уже полагаю я, и не позволялъ мнѣ разговаривать съ тобою, а я все ждалъ, пока позволить. Вѣдь какъ ты надѣнешся ² имѣть великую силу въ ^E.

¹ На одномъ съ нами материкѣ, т. е. въ Европѣ. Подъ именемъ варваровъ разумѣются здѣсь Македоняне, Фракійцы и другіе народы.

² Вѣдь какъ ты надѣнешся.... *ὡς περ γάρ σὺ ἐλπίδας ἔχεις ἐν τῇ πόλει.....* Греческій текстъ этого періода рѣчи очевидно перепутанъ и испорченъ: вмѣсто *ἐνδείξασθαι* *ὅτι....* кажется, надобно читать: *ἐνδείξάμενος ὅτι αὐτὸς παντὶς ἕξιος εἶ, καὶ οὐδὲν ὅτι οὐ παραυτίκα δυνήσῃ; οὕτω γὰρ παρὰ σοὶ ἐλπίζω μέγιστον δυνήσεσθαι....* Это послѣднее *μέγιστον δυνήσεσθαι* надобно поставить въ зависимость отъ управляющихъ глаголовъ той и другой части періода, т. е. и отъ выраженія: *σὺ ἐλπίδας ἔχεις*, и отъ глагола *ἐγὼ ἐλπίζω*. Бутманъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ, основываясь на трехъ кодексахъ Алкивіада, находятъ нужнымъ изгнать изъ текста всѣ слова, начиная съ *ἐνδείξασθαι* до *δυνήσεσθαι*; но я думаю, что чрезъ это потерялась бы мысль, соотвѣтствующая мысли, слѣдующей далѣе — *ἐνδείξάμενος, ὅτι παντὸς ἕξιος εἶμι—σοὶ καὶ*:

городѣ, доказавъ ему предпочтительное свое достоинство, и что для тебя нѣтъ ничего невозможнаго: такъ и я надѣюсь имѣть величайшее вліяніе на тебя, доказавъ, что въ отношеніи къ тебѣ значу болѣе всѣхъ, что ни опекунъ, ни родственникъ, никто, кромѣ меня, лишь бы только Богъ помогъ, не въ состояніи сообщить тебѣ ту силу, которой ты жаждешь. Когда ты былъ моложе и еще не питалъ этой надежды, Богъ не позволялъ мнѣ бесѣдовать съ тобою,—кажется потому, что наша бесѣда тогда могла бы быть напрасна:

106. а теперь онъ велить, теперь ты можешь слушать меня.

Алк. Я нахожу, Сократъ, что начавъ говорить, ты сдѣлался гораздо страннѣе, чѣмъ былъ прежде, когда слѣдовалъ за мною молча, хотя и въ то время казался очень страннымъ. Питаю ли я такія мысли, или нѣтъ, — у тебя, какъ видно, уже рѣшено: и еслибы я сталъ отказываться, это нисколько не помогло бы мнѣ убѣдить тебя. Пусть такъ. Однакожъ, еслибы я и совершенно проникнуть былъ подобными мыслями, — какимъ же образомъ осуществляются онѣ чрезъ тебя, а безъ тебя ничего не выдетъ? Можешь ли сказать это?

В. *Сокр.* Ты такъ спрашиваешь, какъ будто я долженъ произнести тебѣ длинную рѣчь, къ какимъ столь привычно твое ухо ¹. Нѣтъ, мое дѣло не таково. Я, кажется, только въ состояніи доказать тебѣ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, если ты хоть немного поможешь мнѣ только въ одномъ.

Алк. Лишь бы тутъ не требовалось какой-нибудь трудной помощи, я готовъ.

Сокр. А трудно-ли, по твоему мнѣнію, отвѣчать на вопросы ²?

¹ *Къ какимъ столь привычно твое ухо.* Сократъ разумѣетъ *μακρολογία σοφιστικὴν*—то длиннословіе, надъ которымъ онъ шутить въ Горгіасѣ, Теэтетѣ, Политикѣ, Протагорѣ. Что Алквивіадъ учился у нихъ этому искусству, свидѣтельствуеетъ Ксенофонтъ (Мем. 1, 2, 30. 40).

² *А трудно ли, по твоему мнѣнію, отвѣчать*—*εἰ χαλεπὸν δοκεῖ τὸ ἀποκρίνεσθαι.* Условная частица *εἰ* здѣсь вовсе неумѣстна. Поэтому, согласно съ поправкою Бутмана и съ переводомъ Фицина, я читаю: *ἢ χαλεπὸν δοκεῖ....*

Алк. Не трудно.

Сокр. Отвѣчай же.

Алк. Спрашивай.

Сокр. Но вѣдь я буду спрашивать тебя, какъ человѣка, проникнутаго именно тѣми мыслями, которыя тебѣ приписаны мною.

Алк. Пожалуй, если хочешь, только бы знать, о чемъ с. будешь спрашивать-то ¹.

Сокр. Хорошо. Итакъ ты думаешь, говорю я, чрезъ нѣсколько времени сдѣлаться совѣтникомъ Аѳинянъ. Но еслибы, въ минуту твоего вступленія на кафедру, я взялъ да и спросилъ: Алквиадъ! ты встаешь съ своимъ совѣтомъ, когда Аѳиняне вознамѣрились открыть о чемъ-то совѣщаніе: скажи, потому ли рѣшаешься на это, что разумѣешь дѣло лучше ихъ?—Что отвѣчалъ бы ты?

Алк. Конечно, отвѣчалъ бы, что разумѣю дѣло лучше ихъ.

Сокр. Слѣдовательно ты — хорошій совѣтникъ въ томъ D. самомъ, что случилось тебѣ уразумѣть?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. А разумѣешь ты только то, что узналъ отъ другихъ, или открылъ самъ?

Алк. Что же болѣе?

Сокр. Но можно ли изучить, или открыть что-нибудь, не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать ²?

¹ Только-бы знать, о чемъ будешь спрашивать-то — *ἴνα καὶ εἰδῶ, ὅ τί καὶ ἐρεῖς*. Замѣчательное употребленіе *καὶ* послѣ *ἴνα* и предъ глаголомъ для общенія ему особенной выразительности. Этотъ союзъ въ подобныхъ случаяхъ употребляется весьма часто. De Rep. IV p. 445. С. *δεῦρο ὕν, ἰδης, δια καὶ εἶδη ἔχει ἢ κακία*. Такихъ примѣровъ собрано много у Штальбома ad h. l. По-русски въ конструкціи сего рода *καὶ* надобно переводить частицами, усиливающими значеніе глагола, предъ которымъ этотъ союзъ поставленъ.

² Не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать, — *μήτε μανθάνειν ἐπιζῶν, μήτε αὐτὸς ζητεῖν*. Критика привязчивая и мелочная, усиливаясь что-нибудь доказать, иногда доходитъ до смѣшнаго. Шлейермахеръ рѣшился, во что бы то ни стало, доказать, что Алквиадъ подложенъ, и въ угожденіе своей рѣшимости говорить, что приведенныя слова Платонъ написалъ бы такъ: *μήτε ζητεῖν ἐπιζῶν μήτε μανθάνειν*. Но юношѣ Алквиаду надлежало приобрѣтать познанія сперва посредствомъ ученія, а потомъ, въ воз-

Алк. Нельзя.

Сокр. Что жъ? видно, думая что-нибудь узнать, ты захотѣлъ найти или изучить это?

Алк. Совсѣмъ нѣтъ.

Е. *Сокр.* А было ли время, когда того, что теперь знаешь, ты, по собственному своему убѣжденію, не зналъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Но вѣдь и мнѣ почти извѣстно, чему ты учился; а что неизвѣстно, скажи. На моей памяти, ты учился грамотѣ, играть на цитрѣ и фехтовать; флейтою же заниматься не хотѣлъ ¹. Вотъ что ты знаешь, если только не учился еще какому-нибудь искусству, которое ускользнуло отъ моего вниманія. Впрочемъ, выходя изъ дома, ты, думаю, не скрылся бы отъ меня ни днемъ ни ночью.

Алк. Да я и не ходилъ ни къ какимъ другимъ учителямъ, кромѣ этихъ.

Сокр. Итакъ, еслибы Аѳиняне совѣщались о грамотѣ, ^{107.} какимъ бы образомъ правильно писать,—всталъ ли бы ты съ своимъ совѣтомъ?

Алк. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Ну, а когда бы разсуждали объ игрѣ на лирѣ?

Алк. Никакъ не всталъ бы.

Сокр. А о фехтованьѣ-то, видишь, не имѣютъ они обыкновенія разсуждать въ собраніяхъ.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ о чемъ же бы Аѳинянамъ совѣщаться? ужъ не о домостроительствѣ ли?

Алк. И то нѣтъ.

раствѣ зрѣломъ, чрезъ собственное изслѣдованіе. Это, кажется, согласнѣе съ логикою, а потому и съ тактомъ Платоновой рѣчи.

¹ Что касается до игры на флейтѣ, то, и по свидѣтельству Плутарха (Vit. Alcib. С. 2), Алквиадъ къ этому искусству имѣлъ великое нерасположеніе. Дальнѣйшія слова: *ты не укрылся бы отъ меня ни днемъ ни ночью*, очевидно, сказаны *ὑπερβολικῶς*. Потомъ слово ходить — *ὑπάγει* указываетъ на учениковъ, ходящихъ, для слушанія уроковъ, въ домъ учителя; отъ этого ученики сего рода у Грековъ назывались *ὑπαγαί*. Polluc. Onom. IV. 43.

Сокр. Въдъ объ этомъ-то домостроитель будетъ разсуждать лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Ты не захочешь также участвовать, когда Аѳиняне вздумаютъ совѣщаться и о прорицаніи? В.

Алк. Не захочу.

Сокр. Потому что прорицатель въ этомъ отношеніи опять лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Даже не смотря на то, малоизвѣстенъ онъ или знатенъ, красивъ или безобразенъ, благороденъ или неблагороденъ ¹.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Потому что совѣтъ-то о каждомъ предметѣ бываетъ, думаю, со стороны знающаго, а не богатаго.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. То-есть, когда Аѳиняне держатъ совѣтъ, какимъ бы образомъ сохранить здоровье гражданъ,—для нихъ все равно, бѣденъ совѣтникъ или богатъ; они только ищутъ совѣтника во врачѣ. С.

Алк. И справедливо.

Сокр. Такъ о чемъ же должны они разсуждать, чтобы, вставъ въ качествѣ совѣтника, ты всталъ кстати?

Алк. О своихъ дѣлахъ, Сократъ.

Сокр. Напримѣръ, о дѣлахъ, относящихся къ кораблестроенію, то-есть, какіе должны они строить корабли?

Алк. Но тутъ я не всталъ бы, Сократъ.

Сокр. Потому что строить корабли ты, думаю, не умѣешь. Эта причина, или другая?

Алк. Именно эта.

Сокр. О какихъ же своихъ дѣлахъ, говоришь ты, должны они разсуждать? Д.

¹ Не смотря на то, малоизвѣстенъ онъ, или знатенъ...—намскъ на тѣ преиущества Алкивиада, которыми онъ особенно гордился.

Алк. О войнѣ, о мирѣ и о другихъ дѣлахъ общественныхъ, Сократъ.

Сокр. Не то ли разумѣешь ты, что они должны совѣщаться,—съ кѣмъ заключить миръ, съ кѣмъ вести войну и какимъ образомъ?

Алк. Да.

Сокр. А это—не съ тѣми ли, съ кѣмъ лучше?

Алк. Да.

Е. *Сокр.* И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Конечно.

Сокр. И столько времени, сколько выгоднѣе?

Алк. Да.

Сокр. Но еслибы Аѳиняне совѣщались, съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться¹, и какимъ образомъ; то ты ли лучше бы посовѣтоваль, или гимнастикъ?

Алк. Конечно гимнастикъ.

Сокр. И ты можешь сказать, на что смотря, гимнастикъ посовѣтоваль бы, съ кѣмъ схватываться, съ кѣмъ нѣтъ, когда схватываться и какимъ образомъ? Говорю такъ: съ тѣмъ ли надобно схватываться, съ кѣмъ лучше, или нѣтъ?

Алк. Съ тѣмъ.

108. *Сокр.* И столько, сколько выгоднѣе?

Алк. Столько.

Сокр. И тогда, когда выгоднѣе?

¹ *Съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться*,—*τίτιν χρέη προσπαλαίειν, καὶ τίτιν ἀροχέριζέσθαι*. Значеніе этихъ глаголовъ объясняется правилами греческой гимнастики. Timaeus Gloss. p. 19.—*ἀροχέριζέσθαι* ποικίτευεν ἢ παγκρατιάσειν πρὸς ἕτερον ἄνευ συμπλοκῆς, ἢ βίως ταῖς ἀκραῖς μετ' ἄλλου γυμνάζεσθαι, т. е., бороться, схвативши другъ друга только за руки. Принимаемому въ этомъ смыслѣ глаголу *ἀροχέριζέσθαι* хорошо противопоставляется глаголъ *προσπαλαίειν*, выражающій такую борьбу, въ которой борцы обхватывали другъ друга по поясу. Имѣя въ виду это несомнѣнное значеніе упомянутыхъ глаголовъ, странными кажутся слѣдующія слова Шлейермахера: Das *арохеризесθαι*, was sonst bei Platon nicht vorkommt, ist auch ein ganz unnutzes Auskramen gymnastischer Gelehrsamkeit; ein populäres Beispiel hätte weit besser dasselbe ausgerichtet. Но почему это выраженіе кажется Шлейермахеру не популярнымъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А кто и поетъ, тотъ долженъ ли иногда сопровождать пѣніе цитрою и мѣрнымъ движеніемъ?

Алк. Конечно, долженъ.

Сокр. И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Да.

Сокр. И не столько ли, сколько лучше?

Алк. Полагаю.

Сокр. Что жъ? Признавъ лучшее въ томъ и въ другомъ, то-есть, и въ сопровожденіи пѣсни цитрою, и въ борьбѣ, что именно назовешь ты лучшимъ въ игрѣ на цитрѣ? Вотъ въ борьбѣ лучшее, говорю я, есть то, что бываетъ гимнастически; а тамъ что будетъ оно, по твоему мнѣнію?

Алк. Не понимаю ¹.

Сокр. Но попытайся подражать мнѣ. Я уже, кажется, отвѣчалъ, что то состоитъ въ совершенной правильности; а правильность, безъ сомнѣнія, есть сообразность съ искусствомъ. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Искусство же тутъ не гимнастика ли?

Алк. Чему же быть иному?

Сокр. Такъ вотъ я и сказалъ, что въ борьбѣ лучшее—С. гимнастика.

Алк. Да, сказалъ.

Сокр. И вѣдь хорошо?

Алк. Кажется.

Сокр. Ну, теперь скажи и ты,—вѣдь и тебѣ нужно го-

¹ Не понимаю — *οὐκ ἔγνω*. Критикамъ особенно странною кажется такая непонятливость даровитаго Алкивиада. Конечно, ходъ Платоновой діалектики въ этомъ мѣстѣ недовольно ловокъ: но кто долго наблюдалъ, какъ иногда и способныя головы, не привыкши къ мышленію, мѣшаются и оказываются непонятливыми на самой первой степени отвлеченія представленій; тотъ не будетъ удивляться и непонятности Алкивиада. Всякій понимаетъ, что въ музыкѣ бываетъ лучшее и худшее; но въ какомъ родовомъ объемѣ надобно мыслить лучшее? какъ назвать его вообще? На это непривычный къ строгому логическому мышленію не вдругъ можетъ отвѣчать.

ворить хорошо,—скажи сперва, къ какому искусству относится игра на цитрѣ, пѣніе и мѣрное движеніе. Какъ вообще называется это искусство? Неужели еще не можешь отвѣчать?

Алк. Да, не могу.

Сокр. Но попытайся такъ: кто тѣ богини, чье это искусство?

Алк. Ты разумѣешь Музъ, Сократъ?

Д. *Сокр.* Конечно. Смотри же, какъ, по ихъ имени, называется это искусство?

Алк. Мнѣ кажется, ты говоришь о музыкѣ?

Сокр. Точно такъ. Что же въ отношеніи къ ней бываетъ правильно? Тамъ, въ отношеніи къ искусству гимнастическому я уже называлъ тебѣ правильное: а здѣсь что назовешь ты такимъ? здѣсь какъ бываетъ?

Алк. Мнѣ кажется, музыкально.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Теперь возьми лучшее въ войнѣ и въ сохраненіи мира: какъ ты назовешь это лучшее? Тамъ, говоря о каждомъ дѣлѣ, ты призналъ лучшимъ—
Е. въ одномъ музыкальность, въ другомъ гимнастичность: постарайся и здѣсь указать на лучшее ¹.

Алк. Но не такъ-то могу.

Сокр. А вѣдь стыдно. Еслибы кто-нибудь, слушая твои разсужденія и совѣты касательно пищи, что, то-есть, въ настоящее время и въ такомъ-то количествѣ одна пища лучше другой, наконецъ спросилъ: что называешь ты лучшимъ, Алквивадъ?—Ты, даже и не выдавая себя за врача, конечно отвѣчалъ бы, что лучшее здѣсь — болѣе здоровое: какъ же бы не умѣть тебѣ, кажется, отвѣчать на
109. вопросъ о томъ, въ чемъ ты выдаешь себя за знатока и

¹ *Постарайся и здѣсь указать на лучшее.* Общее понятіе, о которомъ здѣсь спрашивается, въ умѣ Сократа есть *δικαιοτέρον*, а не *πολιτικότερον*, что предполагаетъ Шлейермахеръ; ибо справедливость, по разуму древнихъ философовъ и особенно Платона, составляетъ сущность науки о гражданскомъ обществѣ.

касательно чего сталъ бы давать совѣты, будто человѣкъ знающій? Вѣдь это стыдно.—Или думаешь, нѣтъ?

Алк. Конечно стыдно.

Сокр. Вникни же и постарайся сказать, къ чему клонится лучшее какъ въ сохраненіи мира, такъ и въ войнѣ, съ кѣмъ должно?

Алк. Вникаю, но не могу придумать.

Сокр. И ты не знаешь, въ чемъ во время войны мы обвиняемъ другъ друга, что почитаемъ причиною начатія военныхъ дѣйствій и какъ называемъ эту причину?

Алк. Знаю. Мы находимъ, что насъ обманываютъ, при- в. тѣсняють, или лишаютъ чего-нибудь.

Сокр. Постой же; что мы терпимъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ? Постарайся сказать, что бываетъ особенно тутъ или тамъ?

Алк. Говоря объ особенномъ тутъ или тамъ, не разумѣешь-ли ты, Сократъ, справедливости, или несправедливости ¹?

Сокр. То-то и есть.

Алк. Да этимъ-то отличается все вообще.

Сокр. Что жъ? противъ кого идти войной посоветуешь ты Аѳинянамъ? противъ справедливыхъ, или несправедливыхъ.

Алк. Трудень вопросъ! Пусть бы кто и подумаль, что С. надобно воевать съ справедливыми, все-таки не признался бы въ этомъ.

Сокр. Видно потому, что это незаконно.

Алк. Конечно; да кажется, и нехорошо.

Сокр. Слѣдовательно и твои рѣчи будутъ въ пользу этого—справедливости?

¹ Не разумѣешь ли ты, Сократъ, справедливости и несправедливости? Этотъ вопросъ, выражающій сомнѣніе Алкивиада, весьма естественно могъ быть предложенъ юношею, который наслушался софистовъ; потому что софисты никакого понятія не извращали столько, сколько понятие о справедливости, какъ это дѣлаетъ Тразимахъ въ первой книгѣ Государства. Итакъ недоумѣніе Шлейермахера и здѣсь неумѣстно.

Алк. Необходимо.

Сокр. Такъ не справедливое ли будетъ то лучшее, о которомъ я тебя спрашивалъ, — надобно ли то-есть воевать или нѣтъ, съ кѣмъ воевать и съ кѣмъ нѣтъ, когда воевать и когда нѣтъ?

Алк. Да, кажется.

Д. *Сокр.* Какъ же такъ, любезный Алкивиадъ? развѣ ты забылъ, что этого не знаешь? Или можетъ быть я и не замѣтилъ, когда ты учился этому и ходилъ къ наставнику, который научилъ тебя различать справедливое отъ несправедливаго? Да кто онъ? скажи и мнѣ, порекомендуй ему въ ученики и меня.

Алк. Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Заклинаю тебя именемъ моего и твоего бога дружбы¹, которымъ я никогда не клянусь по-пусту: если у тебя есть такой учитель, скажи мнѣ, кто онъ.

Е. *Алк.* Но что, если его нѣтъ? Нельзя ли тебѣ предположить, что справедливое и несправедливое я узналъ какъ-нибудь иначе?

Сокр. Можно, если ты самъ открылъ.

Алк. А что не открылъ, не представишь?

Сокр. И очень, если искалъ.

Алк. А что искалъ, не подумаешь?

Сокр. Пожалуй, еслибы думалъ, что не знаешь.

Алк. Да развѣ не было времени, когда я не зналъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь; но можешь ли указать на то время, въ которое не почиталъ себя знающимъ справедливое и несправедливое? Напримѣръ, въ прошедшемъ году испытывалъ ли ты себя и думалъ ли, что не знаешь, или не думалъ? Да отвѣчай вѣрно, чтобы нашъ разговоръ шелъ не по-пусту.

¹ *Именемъ моего и твоего бога дружбы, которымъ я никогда не клянусь.* Объ этой клятвѣ см. Евтифр. р. 6 В. Форма рѣчи: *которымъ я никогда не клянусь*, часто повторяема была по подражанію Омиру. Πιάδ. Θ. 39. σὺ δ' ἱερῆ κεφαλῇ καὶ νεώτερον λέχος αὐτῶν κουρίδιον, τὸ μὲν οὐκ ἂν ἐγὼ ποτε μίψ διόταμι.

Алк. Думалъ, что знаю.

Сокр. Не такъ же ли въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ году назадъ?

Алк. Такъ же.

Сокр. А прежде этого времени ты былъ еще мальчикомъ? не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Тогда-то, разумѣется, ты думалъ, что знаешь.

Алк. Откуда же это разумѣется?

Сокр. Я часто слыхалъ, что во время своего дѣтства, ^{В.} играя въ кости, или въ какую-нибудь иную игру, въ школѣ и въ другихъ мѣстахъ, ты не сомнѣвался въ справедливомъ и несправедливомъ, но громко и смѣло говорилъ, что такой-то мальчикъ золь и несправедливъ, что онъ обижаетъ ¹ тебя. Не правду ли я говорю?

Алк. Да что жъ мнѣ было дѣлать, Сократъ, когда меня обижали?

Сокр. А спрашивалъ ли бы ты, что тебѣ дѣлать, если бы не зналъ, обижаютъ тебя, или нѣтъ ²?

Алк. Но клянусь Зевсомъ,—я не то что зналъ, а ясно С. сознавалъ, что меня обижаютъ.

Сокр. Поэтому, бывъ еще мальчикомъ, ты уже думалъ, какъ видно, что разумѣешь справедливое и несправедливое.

Алк. Конечно, да и въ самомъ дѣлѣ разумѣлъ.

Сокр. Когда же ты это открылъ? Ужъ вѣрно не тогда, когда думалъ, что знаешь?

Алк. Безъ сомнѣнiя.

¹ Что она обижаетъ тебя,—καὶ ὡς ἀδικεῖ. Если среди игръ одно дитя какъ-нибудь обманывало другое, то обманутое обыкновенно говорило: ἀδικεῖς. Это было поговоркою Афинянъ въ подобныхъ случаяхъ. Весьма ясный примѣръ читаемъ у Аристофана (Nub. 25): φίλων, ἀδικεῖς! *Faber. de ludo talorum V. ad. Rem. 1. p. 333 A.*

² Т. е., быть не можетъ, чтобы кто-нибудь сталъ спрашивать, что ему дѣлать, когда его обижаютъ, не узнавши напередъ, что такое—справедливость и несправедливость.

Сокр. Такъ въ какое время ты думалъ, что не знаешь? Смотри, вѣдь такого времени не найдешь.

Алк. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, я не могу указать на него.

Д. *Сокр.* Стало быть, ты узналъ это не чрезъ открытіе.

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. А сейчасъ сказалъ, что и не учился знать. Если же и не открылъ и не учился, то какъ и откуда знаешь?

Алк. Но можетъ быть я и неправильно отвѣчалъ тебѣ, что упомянутое знаніе самъ открылъ. Это случилось, вѣроятно, такъ: должно быть и я научился этому, какъ другіе.

Сокр. Значить, мы возвращаемся къ прежнему вопросу. Скажи мнѣ, отъ кого научился.

Е. *Алк.* Отъ народа.

Сокр. Не къ отличнымъ же учителямъ прибѣгаешь ты, когда ссылаешься на народъ.

Алк. А что? развѣ онъ не въ состояніи научить?

Сокр. Даже и тому, что шашечная игра, и что нѣтъ; хотя это, думаю, гораздо ниже справедливаго. Что? развѣ ты думаешь иначе?

Алк. Да.

Сокр. Значить, не имѣя возможности научить худшему, онъ въ состояніи преподавать лучшее?

Алк. Я думаю. Да и дѣйствительно, народъ въ состояніи научить многому, что будетъ лучше шашечной игры.

111. *Сокр.* Чему жъ это?

Алк. У него, на примѣръ, научился я говорить по-гречески, и въ этомъ отношеніи не могу назвать тебѣ другаго учителя, но чувствую себя обязаннымъ тому самому учителю, котораго ты не считаешь отличнымъ.

Сокр. Да, почтеннѣйшій, въ этомъ-то народъ—хорошій учитель, и науку его по справедливости можно хвалить ¹.

¹ И науку его по справедливости можно хвалить—καὶ δικαίως ἐπαινοῦντ' αὐτὸν εἰς διδασκαλίαν. Мѣстоименіе αὐτὸν въ соединеніи съ словами εἰς διδασκαλίαν

Алк. Почему же?

Сокр. Потому что онъ обладаетъ именно тѣмъ, чѣмъ должны обладать хорошіе наставники.

Алк. Что ты разумѣешь?

Сокр. Развѣ не извѣстно тебѣ, что люди, намѣревающіеся учить чему-нибудь, должны напередъ сами знать это? Или нѣтъ?

Алк. Какъ же нѣтъ?

В.

Сокр. Но не правда ли, что знающіе должны быть согласны другъ съ другомъ, а не разногласить?

Алк. Да.

Сокр. А скажешь ли, что въ чемъ они разногласятъ, то знаютъ?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. Такъ какимъ же образомъ быть имъ учителями въ томъ предметѣ?

Алк. Никакъ нельзя.

Сокр. Что жъ? разногласить ли, думаешь, народъ, что камень, что дерево? Когда ты спрашиваешь объ этомъ у кого-нибудь,—всѣ не то же ли самое разумѣютъ, не къ тому же ли самому бѣгутъ, съ намѣреніемъ взять камень или С. дерево? Не такъ ли и прочее въ этомъ родѣ? Эту-то почти мысль я соединяю съ твоими словами о знаніи греческаго языка. Или не такъ?

Алк. Такъ.

Сокр. Не въ томъ же ли, какъ сказано, согласны между собою и города, взятые порознь и вмѣстѣ? Тутъ они не спорятъ другъ съ другомъ и не говорятъ—одинъ одно, другой другое.

Алк. Конечно, нѣтъ.

наводитъ подозрѣніе на неповрежденность этого текста. Проклъ (р. 260) пишетъ его такъ: καὶ δικαίως ἵπαινοῦτ' αὐτὸν ἢ διδασκαλίᾳ. Въ этой конструкціи умѣстно будетъ и αὐτῶν. Если же отдадимъ преимущество спискамъ, въ которыхъ стоитъ εἰς διδασκαλίαν, то αὐτῶν надобно тогда признать вовсе ненужною вставкою какого-нибудь глоссатора.

Сокр. Слѣдовательно тутъ-то они по справедливости и хорошіе учителя?

Алк. Да.

Д. *Сокр.* Итакъ, еслибы мы вздумали сообщить кому-нибудь подобное знаніе, то правильно поступили бы, пославъ его въ науку къ народу?

Алк. Конечно.

Сокр. Напротивъ, чтò еслибы намъ захотѣлось знать не только то, чтò люди и чтò лошади, но и то, которые изъ нихъ быстры и которые нѣтъ? Могъ ли бы народъ научить этому?

Алк. Не очень.

Е. *Сокр.* Такъ не убѣдительно ли для тебя доказательство, что этого онъ не знаетъ, что въ этомъ онъ—плохой учитель, когда тутъ несогласенъ самъ съ собою?

Алк. Я думаю.

Сокр. Равнымъ образомъ, еслибы намъ захотѣлось знать, нетолько то, чтò люди, но и то, которые изъ нихъ здоровы и которые больны: былъ ли бы народъ достаточнымъ для насъ учителемъ?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. И не заключилъ ли бы ты, что въ этомъ отношеніи онъ—худой учитель, когда бы замѣтилъ его разногласіе съ самимъ собою?

Алк. Я думаю.

112. *Сокр.* Что жъ теперъ? кажется ли тебѣ, что въ отношеніи къ справедливымъ и несправедливымъ людямъ и поступкамъ, народъ согласенъ и въ цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ¹?

Алк. Всего менѣе, Сократъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Что? тутъ онъ особенно разногласить?

¹ И въ цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ—αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἢ ἀλλήλοις. Различаются—общее мнѣніе народа и мнѣнія частныхъ гражданъ о справедливомъ и несправедливомъ. Поэтому тѣ неправильно понимаютъ мысль, которые ἀλλήλοις измѣняютъ на ἄλλοις, и переводятъ: ни съ самими собою, ни съ другими.

Алк. Да и непрестанно.

Сокр. Ты, думаю, никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы разногласіе людей касательно здоровыхъ и нездоровыхъ доходило наконецъ до сраженія и взаимнаго убійства.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, касательно справедливаго и несправедливаго, если не видѣлъ, то, знаю, слышалъ—и отъ Омира, В. и отъ многихъ другихъ. Вѣдь объ Одиссеѣ и Иліадѣ слышалъ?

Алк. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. А эти поэмы — не о разногласіи ли касательно справедливаго и несправедливаго?

Алк. Да.

Сокр. Тутъ вѣдь Ахейцы и Трояне, женихи Пенелопы, и Одиссей вступали въ сраженія-то и подвергались смерти именно за это разногласіе.

Алк. Твоя правда.

С.

Сокр. Думаю, что и въ Танагрѣ ¹ причиною смертей и сраженій между Аѳинянами, Лакедемонянами и Віотянами, а потомъ въ Херонеѣ, гдѣ палъ и отецъ твой Клиніасъ, было не какое другое разногласіе, какъ вразсужденіи справедливаго и несправедливаго. Не такъ ли?

Алк. Правда.

Сокр. И такъ эти ли, скажешь, знаютъ то, касательно чего разногласіе доводитъ ихъ самихъ до крайнихъ бѣдствій? D.

Алк. Нѣтъ, не думаю.

Сокр. И не такимъ ли учителямъ приписываешь ты свое знаніе, которые, по твоимъ же словамъ, сами не имѣютъ его?

Алк. Походить.

Сокр. Такъ вѣроятно ли, что ты знаешь справедливое и несправедливое, когда касательно его находишься въ та-

¹ Разумѣется сраженіе при Танагрѣ, бывшее 4,89 Олимп. См. *Thucyd.* 1,185 sqq. *Diodor.* XI, 81. Далѣе упоминается о сраженіи при Херонеѣ, случившемся 2,83 Олимп.

комъ заблужденіи, и когда, какъ видно, ты ни у кого не учился этому, и самъ не открылъ?

Алк. Да, судя по твоимъ словамъ, невѣроятно.

Е. *Сокр.* А видишь ли, Алкивиадъ, что и это опять ты не хорошо сказалъ ¹?

Алк. Что такое?

Сокр. Что говоришь, судя по моимъ словамъ.

Алк. Отчего же? развѣ не твои слова, что я ничего не знаю о справедливомъ и несправедливомъ?

Сокр. Конечно нѣтъ.

Алк. А мой?

Сокр. Да.

Алк. Какъ же это?

Сокр. Узнаешь вотъ изъ чего. Если я тебя спрошу, что больше, — единица, или два; то не скажешь ли ты, что два?

Алк. Скажу.

Сокр. Чѣмъ больше?

Алк. Единицею.

Сокр. Кто же изъ насъ говоритъ, что два больше одною единицею?

Алк. Я.

Сокр. Не правда ли, что я спрашивалъ, а ты отвѣчалъ?

Алк. Правда.

113. *Сокр.* Такъ я ли говорю объ этомъ, поколику спрашиваю, или ты, поколику отвѣчаешь?

Алк. Я.

Сокр. Положимъ еще, что я спросилъ бы тебя, какія

¹ А видишь ли, Алкивиадъ, что и это опять ты не хорошо сказалъ, то есть, судя по твоимъ словамъ, невѣроятно, какъ будто эти слова сказаны мною, а не тобою:—оборотъ весьма искусный и прямо сократическій. Но Шлейермахеру онъ почему-то не нравится. Въ словѣ «видишь ли»? замѣтенъ пріятный тонъ нѣсколько насмѣшливой шутки, какииъ оно отзывается въ Сурр. р. 202 D. Gorg. 475 E. и у Аристофана Rann. v. 1136 etc.

буквы въ словѣ Сократъ, и ты отвѣчалъ бы мнѣ: кто тогда говорилъ бы?

Алк. Я.

Сокр. Ну такъ скажи мнѣ однимъ словомъ: если предлагается вопросъ и отвѣтъ, то кто говоритъ,—вопрошающій, или отвѣчающій?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что отвѣчающій.

Сокр. А не я ли сейчасъ непрерывно спрашивалъ тебя? В.

Алк. Да.

Сокр. И не ты ли отвѣчалъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Что жъ? кто изъ насъ сказалъ, что было сказано?

Алк. Изъ допущеннаго видно, Сократъ, что я.

Сокр. И не то ли было сказано, что прекрасный сынъ Клиниаса, Алкивиадъ, не знаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, а думаетъ, что знаетъ, и готовится идти въ собраніе Аѳинянъ съ намѣреніемъ подавать имъ совѣты въ томъ, чего вовсе не знаетъ. Не такъ ли было?

Алк. Оказывается такъ.

Сокр. Стало быть, надъ нами, Алкивиадъ, сбылась Еврипидова поговорка. Ты, видно, слышалъ это отъ себя, а не отъ меня ¹; не я говорилъ, а ты: меня же напрасно обвиняешь. Впрочемъ, и хорошо сказано: вѣдь у тебя въ умѣ, добрякъ, въ самомъ дѣлѣ отчаянное предпріятіе ²,—учить тому, чего не знаешь и чему не думалъ учиться.

Алк. Но я полагаю, Сократъ, что Аѳиняне и прочіе Элліны рѣдко совѣщаются о томъ, что справедливо, или несправедливо, ибо признаютъ это очевиднымъ для вся-

¹ *Еврипидова поговорка:* σοῦ τὰ δὲ κινδυνεύεις, ἀλλ' οὐκ ἐμοῦ. О ней см. *Muret. Varr. lectt. V. 20 et Valken. ad Hippolyt. 352.* σοῦ τὰδ', οὐκ ἐμοῦ κλύεις.

² *Отчаянное предпріятіе*—μανικὸν γὰρ ἐν νῶ ἔχεις. Значеніе слова *μανικὸς* въ этомъ мѣстѣ можетъ быть опредѣлено словами Ксенофонта (*Mem. 111, 9, 6*): *μανίαν γέ μὴν ἐναντίον μὲν ἔρη εἶναι σοφία, οὐ μέντοι γε τὴν ἀνεπιστημοσύνην μανίαν ἐνόμιζεν, τὸ δὲ ἀγνοεῖν αὐτὸν καὶ μὴ ἂ εἶδε δοξάζειν τε καὶ οἶσεσθαι γινώσκειν ἐγγυτάτω μανίας ἐλουζέτο εἶναι.* То-есть, *μανία* есть не незнаніе, а увѣренность въ знаніи того, чего не знаешь.

каго. Оставляя подобныя совѣщанія, они изслѣдываютъ, что полезнѣе имъ въ дѣлахъ; потому что справедливое и полезное, по моему мнѣнiю,—не одно и то же. Многимъ и величайшiя несправедливости доставляли пользу, а инымъ и справедливые поступки, думаю, ни къ чему не послужили.

Сокр. Что жъ? если вовсе иное дѣло—справедливость, и Е. иное—польза, то опять не приписываешь ли ты себѣ знанiя, что полезно людямъ, и почему?

Алк. А что же мѣшаетъ, Сократъ, если ты снова не спросишь меня, у кого я научился этому, или какимъ образомъ открылъ самъ?

Сокр. Что ты это дѣлаешь ¹? Если слова твои несправедливы, и несправедливость ихъ можно доказать тѣмъ же способомъ, какъ доказаны прежнiя; то надобно, думаешь, слышать что-нибудь новое, какiя-нибудь иныя причины, какъ будто высшiя походятъ уже на изношенное рубище ², котораго надѣвать ты болѣе не хочешь, пока не принесутъ ^{114.} тебѣ доказательствъ чистыхъ, безъ пятенъ. Но, оставляя въ покоѣ предостерегательную твою оговорку ³, я все-таки спросилъ бы тебя, гдѣ учился ты узнавать полезное, и кто

¹ *Что ты это дѣлаешь*—*οἷον τοῦτο ποιεῖς*: формула удивленiя, встрѣчающаяся также Сартр. р. 166 С. Сократъ удивляется тому, что Алкивиадъ, опровергнутый вышеизложеннымъ доказательствомъ, проситъ не подводить подъ то же доказательство новаго его положенiя.

² *Какъ будто высшiя походятъ уже на изношенныя рубища*—*ὡς τῶν προτέρων οἷον σκευῆριον κατὰ τετραμίθην*... Подъ словами *τὰ σκεῦη* и *τὰ σκευῆρια* разумѣется ружья всакаго рода, слѣдовательно и платье. Такъ у Аристофана Рап. 172 *σκευῆρια* суть постельныя принадлежности; а у Персия соотвѣтствующимъ ему словомъ *supellex* означаются и нравственныя свойства души (*Tecum habita, et noris quam sit tibi curta supellex*). Здѣсь *σκευῆριον* есть прежнее доказательство, которое Алкивиадъ хотѣлъ бы теперь устранить, какъ старую, наскучившую ему мебель.

³ *Предостерегательную твою оговорку*—*τὰς σὰς προδρομὰς*. *Προδρομή*—передовая стража, авангардъ, выдвигаемый впередъ, чтобы безопаснѣе вести войну. Алкивиадъ въ родѣ передовой стражи представилъ оговорку, чтобы Сократъ противъ новаго его положенiя не употребилъ прежняго доказательства.

твой учитель; я соединилъ бы всѣ прежніе вопросы въ одинъ: и ты, очевидно, пришелъ бы къ тому же, ты не былъ бы въ состояніи доказать ни того, что самъ открылъ полезное, ни того, что научился узнавать его. Но какъ это тебѣ уже пріѣлось и ты не съ удовольствіемъ принялъ бы ту же самую рѣчь; то я, пожалуй, оставлю вопросъ: знаешь ты, или не знаешь, что полезно Аѳинянамъ? Скажи только, сдѣлай милость, справедливое и полезное — точно В. ли одно и то же, или не одно ¹. Если угодно, спрашивай меня, какъ я спрашивалъ тебя; а не то, раскрой дѣло самъ по себѣ.

Алк. Не знаю, Сократъ, могъ ли бы я раскрыть это самъ по себѣ.

Сокр. Да вообрази, добрякъ, что я—собраніе, народъ. Тамъ вѣдь понадобится же тебѣ убѣждать каждаго. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не все ли равно — убѣждать людей по-одиночкѣ, или вдругъ многихъ въ этомъ предметѣ, который С. знаешь, подобно грамматисту, учащему грамотѣ и одного и нѣсколькихъ?

Алк. Все равно.

Сокр. Такимъ же образомъ, и преподающій науку чиселъ не учитъ ли какъ одного, такъ и многихъ?

Алк. Да.

Сокр. И кто знаетъ это, тотъ ариѳметистъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Ну а ты, въ чемъ можешь убѣждать многихъ, можешь ли убѣдить и одного?

¹ Точно ли одно и то же, или не одно. Когда оказалось, что Алквивіадъ не знаетъ, что надобно называть справедливымъ, — Сократъ положилъ доказать, что справедливое и полезное нераздѣльны, и что слѣдовательно, если Алквивіаду неизвѣстно справедливое, то неизвѣстно и полезное. Шлейермахеру не нравится ходъ этого доказательства и даже самое мнѣніе Сократа о нераздѣльности справедливаго и полезнаго. Но это не ученое, а личное его убѣжденіе.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. И ужь очевидно въ томъ, что знаешь?

Алк. Да.

Сокр. И человекъ, вступающій въ подобную бесѣду, отличается отъ народнаго оратора только тѣмъ, что послѣдній убѣждаетъ толпу, а первый—одного?

Алк. Должно быть.

Сокр. Ну такъ теперь, если все равно убѣждать многихъ и одного, потрудись надъ однимъ мною ¹ и рѣшись доказать, что справедливое иногда бываетъ бесполезно.

Алк. Ты досадителенъ, Сократъ.

Сокр. Но, начиная досадительностію, я намѣренъ увѣрить тебя въ противномъ, въ чемъ ты увѣрить меня не хочешь.

Алк. Хорошо, говори.

Сокр. Только отвѣчай на вопросы.

Алк. Нѣтъ, говори самъ по себѣ.

Сокр. Какъ? развѣ тебѣ не хочется быть убѣжденнымъ?

Алк. Очень хочется.

Сокр. А не тогда ли ты бываешь убѣжденъ, когда говоришь, что это такъ?

Алк. Кажется.

Сокр. Отвѣчай же; а если не послушаешь самого себя, что справедливое—полезно, другому-то не повѣришь.

Алк. Конечно нѣтъ, — надобно отвѣчать; вреда, думаю, не будетъ.

115. *Сокр.* Ты настоящій прорицатель ²! Говори же, изъ дѣлъ справедливости, одни, по твоему мнѣнію, полезны, другія—нѣтъ?

¹ *Потрудись надъ однимъ мною*—*ἐν ἐμοὶ ἐπιμέλησόν.* Это греческое чтеніе, по вѣроятному замѣчанію Бутмана, St. § 147 app. 11, 12, испорчено. Въ спискахъ кларковомъ, ватиканскомъ и венеціанскомъ стоитъ: *ἐν μελέτησόν.* Поэтому приведенное выраженіе, думаю, надобно читать такъ: *ἐν ἐμοὶ μόνον μελέτησόν.* Такое чтеніе будетъ соответствовать высшему выраженію: *πολλοὺς τε καὶ ἕνα πείθειν.*

² *Μαντικὸς γὰρ εἶ,* т. е. ты говоришь справедливо, хотя, подобно прорицателямъ, и самъ не знаешь, что прорицаешь. Шлейермахеръ совсѣмъ иначе и невѣрно понялъ эту эпіѳонему Сократа.

Алк. Да.

Сокр. Равнымъ образомъ, инья прекрасны, инья—нѣтъ?

Алк. Какъ это?

Сокр. Казалось ли тебѣ, что кто-нибудь, совершаетъ хотя и постыдное дѣло, однакожъ справедливое?

Алк. Не казалось.

Сокр. Напротивъ, все справедливое казалось прекраснымъ?

Алк. Да.

Сокр. А что прекрасно опять, то всегда ли добро? или иногда добро, иногда нѣтъ?

Алк. Я думаю, Сократъ, что иное прекрасное есть зло.

Сокр. Напротивъ, постыдное—добро?

Алк. Да.

Сокр. Не то ли разумѣешь ты, что на примѣръ на войнѣ многіе, помогая другу или родственнику, получаютъ раны и умираютъ, а тѣ, которые не помогаютъ, хоть и обязаны, остаются здоровыми?

Алк. Конечно.

Сокр. Таковую помощь ты называешь прекрасною, смотря на намѣреніе спасти, кого надлежало; а это есть мужество. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Напротивъ злою-то ты назовешь ее, смотря на смерть и раны. Не правда ли?

Алк. Правда.

Сокр. Но мужество не иное ли дѣло, чѣмъ смерть ¹?

Алк. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно помогать друзьямъ есть дѣло прекрасное и злое не по одной и той же причинѣ?

Алк. Явно, что не по одной.

¹ Но мужество—не иное ли дѣло, чѣмъ смерть? Доказательство идетъ такъ: мужество, разсматриваемое само по себѣ, всегда хорошо и прекрасно. Поэтому преданный добродѣтели не будетъ обращать вниманія ни на какое, соединенное съ нею зло. А отсюда вытекаетъ, что истинно полезное не отдѣлимо отъ прекраснаго.

В.

С.

Сокр. Смотри же, напротивъ, прекрасное и доброе, какъ здѣсь, не по той же ли бываетъ причинѣ? Ты соглашаешься, что помощь есть дѣло прекрасное по причинѣ мужества: такъ мужество само по себѣ и имѣй въ виду, — добро оно, или зло. Изслѣдывай такъ: что избралъ бы ты себѣ, — добро, или зло?

Алк. Добро.

Сокр. И не то ли преимущественно, которое больше?

Д. *Алк.* Да.

Сокр. И лишиться его хотѣлъ бы всего менѣе?

Алк. Почему не такъ!

Сокр. Но какъ ты думаешь о мужествѣ? За какую цѣну согласился бы ты лишиться его?

Алк. Да лучше не жить согласился бы я, чѣмъ быть трусомъ.

Сокр. Слѣдовательно трусость кажется тебѣ крайнимъ зломъ.

Алк. По мнѣ, — такъ.

Сокр. Которое, повидимому, тождественно съ смертію.

Алк. Полагаю.

Сокр. Но смерти и трусости не противоположны ли жизнь и мужество?

Алк. Да.

Е. *Сокр.* И послѣдняго ты желалъ бы себѣ всего болѣе, а перваго — всего менѣе?

Алк. Да.

Сокр. Не потому ли, что это считаешь состояніемъ самымъ хорошимъ, а то — самымъ худымъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Но содѣйствіе друзьямъ на войнѣ, какъ дѣло прекрасное, не за то ли называлъ ты прекраснымъ, что оно производитъ добро, по причинѣ мужества?

Алк. Разумѣется.

Сокр. И не за то ли — дѣломъ злымъ, что отъ него происходитъ зло, по причинѣ смерти?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не въ-правѣ ли мы теперь дать имя каждому дѣйствию? Извѣстнаго дѣйствія не назовешь ли ты злымъ, если оно производитъ зло? и не должно ли назвать его добрымъ, когда оно раждаетъ добро? 116.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. А поколику добро, оно похвально, поколику зло — постыдно?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, сказавъ, что содѣйствіе друзьямъ на войнѣ есть дѣло хоть и прекрасное, однакожъ злое, ты сказалъ не болѣе того, что оно хоть и добро, однакожъ зло.

Алк. Твои слова, Сократъ, кажется, справедливы.

Сокр. Стало быть, нѣтъ ничего прекраснаго, что, какъ прекрасное, было бы зломъ; и нѣтъ ничего постыднаго, что, какъ постыдное, было бы добромъ. В.

Алк. Видно нѣтъ.

Сокр. Изслѣдуй еще и такъ: кто живетъ прекрасно, тотъ не хорошо ли живетъ?

Алк. Хорошо.

Сокр. А живущіе хорошо не счастливы ли?

Алк. Какъ не счастливы?

Сокр. И счастливы они не чрезъ пріобрѣтеніе ли благъ?

Алк. Преимущественно.

Сокр. Блага же пріобрѣтаются не посредствомъ ли доброй и прекрасной дѣятельности?

Алк. Да.

Сокр. Значить, хорошо жить есть дѣло доброе.

Алк. Какъ же.

Сокр. А доброе дѣло прекрасно?

Алк. Да

Сокр. Слѣдовательно прекрасное и доброе опять у насъ— одно и то же? С.

Алк. Видимо.

Сокр. Стало быть, что находимъ мы прекраснымъ, то найдемъ и добрымъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Что жъ? дѣла добрыя полезны, или нѣтъ ¹?

Алк. Полезны.

Сокр. А касательно справедливаго, помнишь ли, въ чемъ мы согласились?

Алк. Кажется, въ томъ, что поступающіе справедливо, по необходимости, поступаютъ прекрасно.

Сокр. А поступающіе прекрасно совершаютъ дѣла добрыя?

Алк. Да.

Сокр. А дѣла добрыя полезны?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно дѣла справедливыя, Алкивиадъ, суть также и дѣла полезныя?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Что жъ? вѣдь это говоришь ты, а я спрашиваю?

Алк. Мнѣ кажется, очевидно.

Сокр. Такъ вотъ, еслибы кто сталъ совѣтовать—Аеинянамъ ли то, или Пепаритянамъ ², съ увѣренностію, что онъ знаетъ справедливое и несправедливое, и началъ бы утверждать, что справедливость иногда бываетъ дѣломъ злымъ; то не посмѣялся ли бы ты надъ нимъ, когда держишься той мысли, что справедливое и полезное—одно и то же?

Алк. Но, клянусь богами, Сократъ, — я и самъ не знаю, что говорю. Я просто похожу на помѣшаннаго. По поводу твоихъ вопросовъ, мнѣ представляется то то, тò другое.

Сокр. Значить, такъ и будетъ: кто чего не знаетъ, того душа въ томъ и заблуждается.

¹ *Что же? дѣла добрыя полезны или нѣтъ?* Доказательство имѣетъ форму слѣдующаго силлогизма: что хорошо, то полезно; а справедливое хорошо; слѣдовательно справедливое полезно.

² *Аеинянамъ ли то, или Пепаритянамъ.* Пепаритъ—одинъ изъ цикладскихъ острововъ, изобиловавшій виномъ и оливками. См. Shol. ad. h. l. Stephan. Byzant. p. 635. Ovid. Met. VII, 470. Здѣсь онъ противопоставляется Аеинянамъ по своей малозначительности.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. А ты не знаешь, другъ мой, что это за состояніе ¹?

Алк. Конечно не знаю.

Сокр. Но представь, что тебя спрашиваютъ: два у тебя глаза или три, двѣ руки или четыре, и объ иномъ тому подобномъ? Что будешь ты отвѣчать? иногда то, иногда другое, или всегда—одно и то же?

Алк. Хотя я уже и боюсь за себя, однакожь буду отвѣ- ^{117.}
чать, кажется, одно и то же.

Сокр. Не потому ли, что знаешь? Это ли причина?

Алк. Я думаю.

Сокр. Стало быть, на что ты не-хотя даешь отвѣты противорѣчущіе, того не знаешь?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Но не самъ ли ты говоришь, что заблуждаешься, когда даешь отвѣты о справедливомъ и несправедливомъ, о прекрасномъ и постыдномъ, о худомъ и добромъ, о полезномъ и неполезномъ? Не очевидно ли слѣдовательно, что ты заблуждаешься по причинѣ незнанія этихъ предметовъ?

Алк. Мнѣ кажется.

V.

Сокр. Но что? знаешь ли ты, какимъ образомъ взойдешь на небо?

Алк. Клянусь Зевсомъ, не знаю.

Сокр. Да не ошибочно ли твое мнѣніе объ этомъ?

¹ А ты не знаешь, что это за состояніе? Съ этимъ вопросомъ поставляя въ связи отвѣтъ Алквивіада, что онъ дѣйствительно не знаетъ, Шлейермахеръ находитъ разговоръ здѣсь крайне нелѣпымъ. Могъ ли то-есть Алквивіадъ не знать, что настоящее его состояніе есть состояніе незнанія, когда передъ этимъ онъ сказалъ, что походить на помѣшаннаго? Но должно замѣтить, что сынъ Клиніаса прежде почиталъ себя знающимъ и могъ придти къ сознанию своего незнанія только тогда, когда увидѣлъ, что его самоувѣренность находится въ противорѣчьи съ его же отвѣтами; да и тутъ не хотѣлъ бы еще думать, что несообразность его отвѣтовъ происходитъ отъ незнанія разсматриваемаго предмета. Посему ходъ бесѣды въ этомъ мѣстѣ, мнѣ кажется, весьма естественъ. Мало ли и нынѣ такихъ занятыхъ собою людей, которые, говоря нелѣпости, отнюдь не полагаютъ, что говорятъ ихъ по незнанію дѣла, и чтобы не сознаться въ незнаніи, начинаютъ спорить, т. е. къ нелѣпостямъ прибавляютъ новыя нелѣпости.

Алк. Нисколько.

Сокр. А знаешь ли причину, или сказать тебѣ?

Алк. Скажи.

Сокр. Причина—га, другъ мой, что, не зная этого, ты и не считаешь себя знающимъ.

С. *Алк.* Это что опять?

Сокр. Смотри вмѣстѣ со мною. Чего ты не знаешь, и знаешь, что не знаешь, въ томъ заблуждаешься ли? Напримѣръ, ты вѣроятно знаешь, что не знаешь, какъ приготовить кушанье?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ самъ ли думаешь, какъ приготовить его, и заблуждаешься, или поручаешь знающему?

Алк. Поручаю знающему.

Сокр. Ну, а плывя на кораблѣ, думаешь ли, какъ держать руль—вправо или влѣво—и заблуждаешься, поколику не знаешь этого, или поручаешь кормчему, а самъ остаешься въ покоѣ?

Алк. Поручаю кормчему.

Сокр. Значить, ты не заблуждаешься въ томъ, чего не знаешь, если знаешь, что не знаешь?

Алк. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Такъ понимаешь ли, что заблужденія въ дѣлахъ происходятъ отъ такого незнанія, которое бываетъ у чело-вѣка, поколику онъ приписываетъ себѣ знаніе того, чего не знаетъ?

Алк. Какъ это опять?

Сокр. Вѣдь мы тогда рѣшаемся дѣлать, когда приписываемъ себѣ знаніе того, что дѣлаемъ?

Е. *Алк.* Да.

Сокр. А кто уже увѣренъ, что не знаетъ, тотъ поручаетъ дѣла другимъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Поручая же ихъ другимъ, онъ, въ отношеніи къ дѣламъ себѣ неизвѣстнымъ, живетъ безъ ошибокъ?

Алк. Да.

Сокр. Итакъ, кто ошибается? — ужъ, конечно, не тѣ, которые знаютъ?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Если же и не тѣ, которые знаютъ, и не тѣ, которые знаютъ, что не знаютъ, чего не знаютъ; то остаются ли еще другіе, кромѣ тѣхъ, которые, не зная, приписываютъ себѣ знаніе?

Алк. Нѣтъ, только эти.

118.

Сокр. Значить, это-то незнаніе, это низкое невѣжество и есть причина золь.

Алк. Да.

Сокр. И не правда ли, что оно особенно тогда губительно и постыдно, когда имѣетъ отношеніе къ дѣламъ величайшей важности?

Алк. И очень.

Сокр. Но что? можешь ли ты наименовать предметы важнѣе справедливаго, прекраснаго, добраго и полезнаго?

Алк. Не могу.

Сокр. А не въ этомъ ли признаешь ты себя заблуждающимся?

Алк. Въ этомъ.

Сокр. Если же заблуждаешься, то изъ сказаннаго прежде не явно ли, что этихъ важнѣйшихъ предметовъ ты не только не знаешь, но еще, не зная ихъ, думаешь, будто знаешь?

Алк. Должно быть.

Е.

Сокр. Бѣдный Алквивіадъ! какъ жалко твое состояніе! Я не рѣшился бы и назвать его, но такъ какъ мы — одни, скажу. Вѣдь ты находишься въ самомъ постыдномъ невѣжествѣ, мой добрый другъ: въ этомъ обличаетъ тебя и твоя рѣчь, и ты самъ. Потому-то, стало быть, не выучившись, и скачешь ¹

¹ *Потому-то стало быть и скачешь* — διδ καὶ ἄττις ἄρχ. Глаголь ἄττις употребленъ здѣсь весьма кстати и выражаетъ легкомысліе Алквивіада, съ которымъ онъ стремится къ дѣламъ общественнымъ, не бременя запасомъ знанія. Объ употребленіи этого глагола см. *Valckenar. ad. Euripid. Phoeniss. p. 497. Boissonad. ad. Philostr. Heroic. p. 732.*

къ дѣламъ общественнымъ. Впрочемъ, ты не одинъ страдаешь такою болѣзнію; между людьми, несущими гражданскія обязанности, есть много подобныхъ тебѣ: исключить должно развѣ нѣкоторыхъ и, можетъ быть, твоего опекуна Перикла.

С. Алк. Говорятъ однакожъ, Сократъ, что онъ не самъ собою сдѣлался мудрымъ, а обращался со многими мудрецами, — Питокломъ и Анаксагоромъ; да и теперь еще, находясь въ такой старости, для той же цѣли бесѣдуетъ съ Дамономъ¹.

Сокр. Что жъ? развѣ ты видывалъ мудреца, который не могъ бы сдѣлать мудрецомъ и другаго въ томъ, въ чемъ самъ онъ таковъ? Напримѣръ, кто научилъ тебя грамотѣ, тотъ и самъ былъ въ этомъ мудрецъ, и тебя сдѣлалъ мудрецомъ, да могъ бы сдѣлать такимъ и кого угодно. Не правда ли?

Алк. Да.

Д. Сокр. Вѣдь и ты, наученный имъ, былъ бы въ состояніи научить другаго?

Алк. Да.

Сокр. Такимъ же образомъ — и цитристъ и гимнастикъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Хорошо, безъ сомнѣнія, доказательство, что люди, знающіе что-нибудь, дѣйствительно знаютъ это, когда они умѣютъ сдѣлать знающимъ и другаго.

Алк. Миѣ кажется.

Е. Сокр. Что жъ? можешь ли сказать, что Периклъ кого-нибудь, начиная съ своихъ сыновей, сдѣлалъ мудрецомъ?

Алк. Но что дѣлать, Сократъ, когда сыновья Перикла были глупы²?

¹ Питоклъ, по схолиасту къ этому мѣсту, былъ музыкантъ, τῆς σεμνῆς μουσικῆς διδάσκαλος, Пиеагореецъ, у котораго учились Агаеоклъ, Лампрокль и Дамонъ. О немъ упоминается также въ Протагорѣ, гдѣ онъ называется ὁ Κεῖος. Что Периклъ пользовался уроками Анаксагора, говорятъ *Plut. vit. Per. init. Cic. Brut. c. 11 Plat. Phaedr. p. 270 A.*

² Сыновей Перикла: Ксантиппа и Паралоса, по схолиасту, называли βλιττοράμματα: βλίσται γὰρ καὶ βλίττωνες οἱ εὐθείαι, μάματα δὲ τὰ βρώματα, καὶ τὸ ἐσθίειν Ἀργεῖοι μάλιστα ἔλεγον. ἐκ τούτων οὖν συνέτετο ὁ βλιττοράμμα, ὁ ἐσθίων εὐθώς, ὡς καὶ συκοράμμα ὁ συκοφάγος.

Сокр. А твоего брата, Клиніаса?

Алк. О Клиніасѣ, этомъ бѣшенномъ человѣкѣ, зачѣмъ и упоминать.

Сокр. Ну, пусть ужь Клиніасъ — человѣкъ бѣшенный, а сыновья Перикла были глупы: тебя-то по какой причинѣ оставляетъ онъ въ такомъ состояніи?

Алк. Думаю, я самъ виноватъ; не слушаюсь.

Сокр. Но укажи мнѣ хоть на раба, хоть на свободного— 119.
Аѳинянина или иностранца, который имѣлъ бы причину сказать, что, обращаясь съ Перикломъ, онъ сталъ мудрѣе: вотъ какъ я, напримѣръ, укажу тебѣ на Пиеодора Исолохова и Калліаса Калліадова, изъ которыхъ каждый, заплативъ Зенону сто минъ, сдѣлался и мудрымъ и знаменитымъ ¹.

Алк. Клянусь Зевсомъ, что не могу.

Сокр. Пусть такъ. Что же думаешь ты о себѣ ²? Хочешь ли остаться въ теперешнемъ состояніи, или приложить нѣсколько старанія?

Алк. Посудимъ вмѣстѣ, Сократъ. Впрочемъ, я понимаю В. твое замѣчаніе и согласенъ съ нимъ. Вѣдь правители города, исключая немногихъ, кажутся и мнѣ людьми необразованными.

Сокр. Такъ что же?

¹ О Пиеодорѣ въ Парменидѣ (р. 126 В) упоминается, какъ о другѣ Зенона; а Калліасъ былъ аѳинскій полководецъ—'Αθηναίων στρατηγός, по словамъ схолиаста, ἔνδοξός τε καὶ πολιτικός αὐτός. См. *Thucyd.* III, 61 sqq. *Groen van Prinsterer* (Prosopogr. Plat. p. 74) говоритъ: Pythodorum fuisse mediocriter σοφὸν καὶ ἐλλογιμὸν; quia neque a caeteris scriptoribus multum celebratur neque a Platone, nisi quod in Parmenide dicitur τὸς Ζήνωνος ἑταῖρος. Но и въ этомъ разговорѣ Платона онъ замѣтенъ только по софистическимъ своимъ тонкостямъ и по склонности выводить изъ нихъ необыкновенныя заключенія. Поэтому свидѣтельство о Пиеодорѣ и Калліасѣ надобно понимать здѣсь въ смыслѣ ироническомъ, и силу Сократовой рѣчи сосредоточивать особенно на томъ, что эти мудрецы были знамениты только потому, что брали большія деньги за свои уроки.

² Пусть такъ, что же думаешь ты о себѣ? Это εἶεν—*пусть такъ*, означаетъ, что Сократъ, показавъ Алквивиаду, какъ мало Периклъ заботился о его воспитаніи, вдругъ прерываетъ нить своей рѣчи и переходитъ къ другому предмету. У грамматиковъ такой оборотъ называется συγκατάθεσις μὲν τῶν εἰρηκμένων, συναρῆ δὲ πρὸς τὰ μέλλοντα.

Алк. Тагъ еслибы они были образованы, то намѣревающихся вступить въ состязаніе съ ними, конечно, долженъ бы учиться и упражняться, какъ бы готовясь противъ бойцовъ; а теперь это — люди неученые, и однакожь принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ: для чего же упражняться и озабочивать себя наукою? Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ ¹.

С. *Сокр.* Ахъ, что ты сказалъ, почтеннѣйшій! Это вовсе не достойно ни твоего лица, ни другихъ твоихъ качествъ.

Алк. Что же тутъ особеннаго и на что мѣтишь ты, Сократъ?

Сокр. Досадно мнѣ и за тебя, и за мою любовь.

Алк. Отчего?

Сокр. Пусть бы ты предполагалъ борьбу съ домашними.

Алк. А то съ кѣмъ же?

Сокр. И объ этомъ-то можетъ спрашивать человѣкъ, думающій о себѣ такъ высоко?

Д. *Алк.* Что ты говоришь? развѣ не съ ними будетъ у меня борьба?

Сокр. Да представь, что ты управляешь хоть гребнымъ судномъ, имѣющимъ вступить въ сраженіе: довольно ли для тебя быть въ управленіи лучше всѣхъ корабельныхъ твоихъ соратниковъ? Или можетъ быть ты призналъ бы дѣломъ болѣе нужнымъ смотрѣть на истинныхъ своихъ враговъ, чѣмъ, какъ теперь, на сподвижниковъ въ боѣ? Надобно то-есть до

¹ *Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ.* Это само-мнѣніе, опирающееся на естественныхъ способностяхъ и принимающее ихъ вмѣсто познаній, можно почитать существенною и самую замѣтною чертою Алкивиадова характера. Дарованіе его сильное, но юное и, по юности, почти всегда живое, нерѣдко презирало опытность, требующую копотливости, усидчивости, долговременныхъ трудовъ, и только тогда начинало оцѣнивать ее, когда убѣждалось, что отъ легкихъ скачковъ молодого коня не происходитъ ничего, кромѣ пыли. Такіе Алкивиады были гибельны и для самихъ себя и для другихъ, если не чувствовали надъ собою не только равныхъ имъ дарованій, но и приобретаемой трудомъ опытности, и почитали себя въ правѣ говорить: «Правители города, исключая немногихъ, мнѣ кажутся людьми не-образованными.»

такой степени превосходить ихъ, чтобы они и не думали состязаться съ тобою, но презираемые, стали бы въ твои ряды для одолженія общаго непріятели, если ужъ ты въ самомъ дѣлѣ намѣренъ совершить подвигъ прекрасный, достойный тебя и города.

Алк. Да, я и намѣренъ-таки.

Сокр. Такъ куда хорошо—любоваться своимъ превосходствомъ надъ воинами ¹, а не смотрѣть на непріятельскихъ полководцевъ, чтобы, смотря на нихъ и состязаясь съ ними, превзойти ихъ!

Алк. Которыхъ же полководцевъ разумѣешь ты, Со- 120.
кратъ?

Сокр. Развѣ не знаешь, что нашъ городъ всякій разъ воюетъ съ Лакедемонянами и съ великимъ царемъ?

Алк. Твоя правда.

Сокр. Итакъ, если думаешь быть полководцемъ своего города; то думая, что тебѣ надобно бороться съ царями лакедемонскимъ и персидскимъ, не правильно ли бы думалъ ты?

Алк. Ты, должно быть, говоришь правду.

Сокр. Такъ нѣтъ, добрякъ, ты вмѣняешь себѣ въ обязанность смотрѣть на воспитателя перепеловъ Мидіаса ², и В.

¹ *Куда какъ хорошо—любоваться своимъ превосходствомъ надъ воинами!* πάνυ σοὶ ἄρα ἄξιον ἀγαπᾶν, εἰ τῶν στρατιωτῶν βέλτιον εἶ. Очевидно, что это выраженіе Сократа имѣетъ значеніе ироническое: но Шлейермахеръ, почему-то считая иронию здѣсь неумѣстною, вмѣсто ἄξιον, совѣтуетъ читать ἀνάξιον. Какимъ же образомъ съ прямымъ смысломъ этой рѣчи будутъ ввязаться слѣдующія далѣе слова: ἀλλ'οὐ πρὸς τοὺς...?

² *Ты вмѣняешь себѣ въ обязанность смотрѣть на воспитателя перепеловъ Мидіаса.* Самая колкая насмѣшка надъ личными качествами тогдашнихъ аѳинскихъ правителей. Въ Аѳины въ то время стекались отовсюду искатели счастья и богатства. Случались между ними люди не только необразованные и незнавшіе хорошо греческаго языка, но и такіе, которые въ своемъ отечествѣ принадлежали къ сословію мастеровыхъ и рабовъ. Всѣ подобные пришельцы, получая въ Аѳинахъ право гражданства, наравнѣ съ благородными Аѳинянами, втѣснялись въ ряды правителей и, чтобы тверже держаться на своихъ мѣстахъ, старались льстить народу. Такимъ-то необразованнымъ искателемъ счастья, вѣроятно, былъ и упоминаемый здѣсь Мидіасъ. Можетъ быть, онъ же служилъ предметомъ шутокъ и Аристофану подъ именемъ ἔρτυξ. См. *Aristoph. Avv.* 1297. Снес. *Athen.* XI p. 506 D., гдѣ объясняется это самое мѣсто Плау-

на другихъ подобныхъ ему, которые принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, сохраняя на душѣ, сказали бы женщины, рабскіе волосы, и по необразованности, не снимаютъ ¹ ихъ, но съ варварскимъ своимъ нарѣчіемъ выходятъ — не скажу управлять городомъ, а льстить ему. Смотря на этихъ-то описываемыхъ мною людей, предаешься ты нерадѣнію о самомъ себѣ, чтобы, приступая къ столь важному подвигу, и не учиться тому, что приобрѣтается ученіемъ, и не упражняться въ томъ, что требуетъ упражненія, тогда какъ слѣдовало бы приготовиться всякаго рода приготовленіемъ ²,

C. чтобы вступить на поприще гражданской службы.

Алк. Твои слова, Сократъ, кажутся мнѣ хотя и справедливыми, однакожь я думаю, что лакедемонскіе полководцы и персидскій царь—не превосходи́ше другихъ.

Сокр. Но размотри, почтеннѣйшій, это свое мнѣніе.

Алк. Въ какомъ отношеніи?

Сокр. Во-первыхъ, тогда ли, думаешь, увеличится твоя забота о себѣ, когда будешь почитать ихъ страшными, или не тогда?

D. *Алк.* Явно, что когда буду почитать ихъ страшными.

тонова Алкивиада, и Мидіасъ называется *δριτυκόπος*, т. е. птичникъ, учившій перепеловъ—точно такъ же драться между собою, какъ нынѣ въ Англіи учатъ драться пѣтуховъ. См. Schol. ad. Olymp. p. 158. То же говорятъ *Pollux* IX 7. p. 1095. *Suid. Meurs. De ludis Graecorum.* Можетъ быть, примѣромъ Мидіаса Сократъ шуточно намекаетъ и на Алкивиада; ибо, по свидѣтельству Плутарха (Т. I, p. 195 E), и Алкивиадъ тоже любилъ заниматься воспитаніемъ перепеловъ.

¹ *Сохраняя рабскіе волосы,.... и не снимаютъ ихъ.* Схолиастъ ad *Aristoph. Avv.* 911: *ἢν δὲ τῶν ἰλευθέρων τὸ κομᾶν*, т. е. рабы стригли себѣ волосы до самой кожи; а юноши благородные отпускали ихъ и только слегка подстригали съ восемнадцатаго года жизни. См. *Junius de coma.* p. 499 sqq. ed. Nag. Но вольноотпущенники, по замѣчанію Бутмана, не вдругъ могли пользоваться этимъ правомъ. *Tim. Glossar. s. v. ἀδραποδοῦν τρίχα* p. 35 *Suid. T. I, p. 188 Eustath. ad. Iliad. I, p. 79.*

² *Приготовиться всякаго рода приготовленіемъ—πᾶσαν παρασκευὴν παρασκευασμένον.* Штальбомъ говоритъ, что подъ именемъ *παρασκευῆ* здѣсь разумѣются всѣ внѣшнія условія ораторскаго искусства, служащія къ тому, чтобы понравиться народу, хотя бы приготовившійся такимъ образомъ и ничего не зналъ. Но, по моему мнѣнію, Платонъ говоритъ о приготовленіи истинномъ, только связь этого положенія съ предъидущими потеряна.

Сокр. А заботясь о себѣ, чаешь ли получить какой-нибудь вредъ?

Алк. Нисколько; напротивъ, великую пользу.

Сокр. Такъ вотъ въ твоемъ мнѣнїи и есть уже одно важное зло.

Алк. Правда.

Сокр. Во-вторыхъ, оно и ложно. Смотри на вѣроятность.

Алк. Какъ это?

Сокр. Благородныя ли поколѣнїя, по всему вѣроятїю, даютъ бытїе лучшимъ природамъ, или неблагородныя?

Алк. Явно, что благородныя. Е.

Сокр. А благородныхъ, если они притомъ и хорошо воспитаны, нельзя ли почитать совершенно способными для добродѣтели?

Алк. Необходимо.

Сокр. Разсмотримъ же сравнительно ихъ и наше происхожденїе. Хуже ли, думаешь, поколѣнїя лакедемонскихъ и персидскихъ царей? Развѣ мы не знаемъ, что первые изъ нихъ суть потомки Иракла ¹, а послѣднїе — Ахемена ², и что родъ Иракла и Ахемена возводятъ къ Персею, сыну Зевсову?

Алк. Но вѣдь и нашъ идетъ отъ Эврисака ³, Сократъ, а 121. Эврисаковъ—отъ Зевса.

Сокр. Да и мой—отъ Дедала ⁴, благородный Алкивиадъ, а Дедаловъ—отъ Ифеста, сына Зевсова. Однакожъ ихъ-то

¹ Спартанцы производили свое племя отъ Эвристиена и Прокла, которые своимъ родоначальникомъ признавали Иракла. См. *Manso Sparta* 1, 2 p. 60 sqq.

² Схолиастъ, объясняя это мѣсто Алкивиада, родоначальникомъ Персовъ почитаетъ Ахемена, и потому персидскихъ царей называли, говорить, ахеменидами. Но древнїе писатели—Геродотъ (VII, 11—150), и Аполлодоръ (II, 4—5) утверждаютъ, что родоначальникомъ ихъ былъ Персъ, сынъ Персея и Андромахи, и что отъ нихъ уже произошли ахемениды. *Wesseling. ad. Herodot* (1, 25).

³ То же говорить и Плутархъ. См. *vit. Alcib.* 1.

⁴ Да и мой — отъ Дедала. Шлейермахеръ сильно порицаетъ писателя Алкивиада между прочимъ и за то, что онъ заставляетъ Сократа производить свой родъ отъ Дедала. Вопросъ, говорить онъ, настоятъ о происхожденїи

роды, начинаясь ими, восходятъ до самаго Зевса линією царей, изъ которыхъ одни всегда управляли Аргосомъ и Лакедемономъ, другіе—Персією, а нерѣдко, какъ и теперь, Азією: напротивъ мы и сами-то люди частные, и отцы

В. наши. Еслибы ты счелъ нужнымъ указать Артаксерксу, сыну Ксеркса, на своихъ предковъ и на Саламинъ, отечество Эврисака, либо на Эгину, родину Эака ¹, жившаго еще прежде; то какой, думаешь, поднялся бы смѣхъ! Между тѣмъ смотри: мы малы не только по отношенію къ важности рода тѣхъ мужей, но и по отношенію къ ихъ воспитанію. Развѣ не знаешь, сколь важнымъ преимуществомъ пользуются лакедемонскіе цари? Ихъ жены, по закону, охраняются эфорами, чтобы царь не былъ зачатъ какъ

С. нибудь тайно—отъ другаго, кромѣ ираклидовъ. А въ Персіи онъ такъ высокъ, что никто и не подозрѣваетъ, будто царственное дитя можетъ родиться отъ другаго рода, кромѣ царскаго. Поэтому жена персидскаго царя охраняется однимъ страхомъ. Когда же рождается старшій сынъ, наслѣдникъ власти,—сперва тутъ же празднуютъ всѣ въ предѣлахъ его царства; потомъ этотъ день и въ послѣдующія времена,

естественномъ, а Сократъ впутываетъ сюда происхожденіе по художеству его отца. Но генеалогія древнихъ греческихъ фамилій — дѣло залутанное и доселѣ нерѣшенное. Известно, что сословіе аѳинскихъ врачей признаваемо было за потомство Эскулапа: но Асклеиады у Аѳинянъ только ли по искусству были потомки этого корифея медицины, или и по естественному происхожденію? Тотъ же самый вопросъ возможенъ и въ отношеніи къ фамиліи Сократа. Ничто не мѣшаетъ допустить, что въ Аѳинахъ было поколѣніе статуейщиковъ, возводившее свой родъ къ Дедалу, первому изобрѣтателю ваятельнаго искусства. Это даже весьма правдоподобно—потому, что въ аѳинской республикѣ въ числѣ демъ (*δήμοι*) одна называлась Дедалидою (Steph. Byzant). Правда, Сократова фамилія происходила изъ дѣмы алопекской, а не Дедаловой: но это могло случиться отъ того, что дѣмы впоследствии были раздѣлены на фратріи и, чрезъ это подраздѣленіе, перемѣшались. Что же касается до Дедала, то онъ, по схоластику, былъ потомокъ Эрехтея, сына Вулканова или Ифестова. Впрочемъ, не входя въ генеалогическія соображенія, можно сказать просто, что Сократъ, называя себя потомкомъ Дедаловымъ, могъ разумѣть это въ смыслѣ ироническомъ (Men. 97 E), чтобы тщеславію Алкивиада противопоставить пріятную шутку.

¹ Эврисакъ, говорятъ, былъ сынъ Эака. *Mulleri Aeginetica*, p. 21 sqq.

въ память царскаго рожденія¹, становится днемъ жертвоприношеній и празднованія для всей Азіи: напротивъ, когда раждаемся мы, Алквивадъ, тогда, по комической пословицѣ, и D. сосѣди что-то не очень чуютъ². Послѣ того дитя воспитывается не какою-нибудь ничтожною женщиною-кормилицею, а евноухами, знатнѣйшими особами, окружающими царя. На нихъ возлагается какъ всякое попеченіе о новорожденномъ, такъ въ особенности заботливость о его красотѣ, чтобы то-есть они развивали и выправляли его члены. Такое занятіе доставляетъ имъ высокія почести. Достигнувъ семилѣтняго E. возраста, дѣти знакомятся съ лошадьми, ходятъ къ учителямъ въ верховой ѣздѣ и начинаютъ охотиться за звѣрями. А когда минетъ дитяти четырнадцать лѣтъ, — берутъ его къ себѣ такъ называемые царскіе пѣстуны. Они избираются изъ Персовъ и составляютъ отличнѣйшую четверицу своего времени: это — самый мудрый, самый справедливый, самый разсудительный и 122. самый мужественный. Самый мудрый учитъ его магіи³, на-

¹ *Въ память царскаго рожденія*—βασιλέως γενέθλια. Аммоній хорошо различаетъ γενέθλια и γενέσις. γενέθλια учреждается ради живущихъ: это — тотъ день, въ который кто родился, и называется днемъ рожденія. Напротивъ γενέσις учреждается ради умершихъ: это — день, въ который кто скончался. По свидѣтельству Геродота (I, 135) и Атеней (IV, 143), день рожденія у Персовъ празднуемъ былъ неопустительно.

² *И сосѣди что-то не очень чуютъ*—οὐδ' οἱ γείτορες σφόδρα τι αἰσθάνονται: пословица, происхожденіе которой Олимпіодоръ (р. 157) и Схолиастъ относятъ къ Платону-комику. Платонъ-философъ имѣлъ ее въ виду также de Rep. VII, р. 531. A. Lucian. Charont. § 16. ἦν καὶ πέση, ἀφορητὴ κείσεται μόγις καὶ τοῖς γείτοσιν ἐξακουσθέντος τοῦ πτόματος. Cicero. Orat. Cat. 11, 10, 21. Corruiant, sed ita, ut non modo civitas, sed ne vicini quidem proximi sentiant. Кромѣ того Муретъ (varr. lectt. VIII, 12) сравниваетъ съ этимъ мѣсто изъ Плутарха (Phoc. 30). Ἐμοῦ μὲν, ὃ παῖ, τὴν σὴν μητέρα γαμοῦντος οὐδ' ὁ γείτων ἤσθετο, τοῖς δὲ τοῖς γάμοις καὶ βασιλεῖς καὶ δυνασταὶ συγχορηγοῦσιν.

³ *Самый мудрый учитъ его магіи*. Астъ (de vita et script. Plat. p. 639), замѣтивъ, что слово μαγεία ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Платоновыхъ сочиненій не употребляется, заключаетъ, что весь этотъ разговоръ написанъ не Платономъ: заключеніе удивительное! О магахъ еще задолго до Платона говорилъ Геродотъ и другіе: слѣдовательно не могло не быть въ употребленіи тогда же и слово μαγεία. А если это справедливо, то почему, говоря о магахъ, нельзя было бы Платону употребить его? Такія доказательства подложности сочиненія не заслуживаютъ никакого вниманія. Къ числу словъ не-платоническихъ, Астъ относитъ также κοινῆ βουλή (р. 119 В. 124 В), κρίσιμος

чертанной Зороастромъ Оромазовымъ ¹: это наука о богопочитаніи, разсуждающая и о дѣлахъ царскихъ. Самый справедливый располагаетъ его слѣдовать во всю жизнь истинѣ. Самый разсудительный наставляетъ его не подчиняться ни одной страсти, чтобы получить навыкъ быть человѣкомъ свободнымъ—дѣйствительно царемъ, не рабствуя, но прежде всего господствуя надъ собою. Самый мужественный развиваетъ въ немъ чувство безбоязненности и неустрашимости, и доказываетъ, что, предаваясь трусости, онъ уже—рабъ. Напротивъ тебѣ, Алкивиадъ, Периклъ далъ въ пѣстуны одного изъ домашнихъ слугъ, Зомира ² Фракіянина, по причинѣ старости, человѣка самаго бесполезнаго. Я раскрылъ бы предъ тобою и другія черты воспитанія и образованія твоихъ противниковъ, еслибы это дѣло могло быть непродолжительно, и еслибы изъ сказаннаго доселѣ не вытекало все, что за этимъ слѣдуетъ. Что же касается до рожденія, воспитанія и образованія тебя, Алкивиадъ, или всякаго другаго Аѣніянина; то это, смѣю сказать, ни для кого не занимательно, исключая тѣхъ людей, которые тебя любятъ. Взглянешь ли опять на богатство, на пышность, на одежды, на шлейфы плащей, на разліяніе благовоній, на много-

(р. 111, E), *δουλοπρέπεια* (р. 135 C), основываясь опять на томъ, что они будто бы не встрѣчаются въ другихъ діалогахъ Платона. См. Crit. p. 49 D. Его приводитъ въ недоумѣніе и то, что *μαγεία* въ Алкивиадѣ называется *θεῶν θεραπεία*. Но зачѣмъ магію халдейскую, занимавшуюся волхвованіемъ, таинственнымъ исцѣленіемъ болѣзней и другими видами предрассудковъ, сливать въ одно съ магією Зороастровою, о которой, кромѣ Аристотеля (ар. Diog. L. Proöm. § 8) говоритъ Порфирій (de abstin. IV, p. 165): *παρά γε μιν τοῖς Πέρσαις οἱ περὶ τὰ θεῶν σοφοὶ καὶ τοῦτου θεράποντες μάγοι προσαγορεύονται*. То же находимъ у Исихія: *Μάγον τὸν Θεοσεβῆ καὶ Θεόλογον καὶ εερέα οἱ Πέρσαι οὕτω καλοῦσι*. Но лучше всѣхъ изслѣдываетъ это Beckius въ *Anleitung zur genauern Kenntniss der allgemeinen Weltgeschichte*. Т. I, P. 1, p. 646, ed. 2.

¹ Древнѣйшимъ философамъ Грековъ Зороастръ былъ вовсе неизвѣстенъ. Свѣденія о немъ и его ученіи распространились въ Греціи уже во время персидскихъ войнъ и, какъ новыя, были крайне перетолковываемы и обезображиваемы. Вслѣдствіе сего и Платонъ называетъ Зороастра сыномъ Оромазовымъ т. е. Ормуздовымъ, и такимъ образомъ человѣка соединяетъ съ Богомъ узами рожденія.

² Объ этомъ изъ современниковъ упоминаетъ одинъ Платонъ. Только на свидѣтельствѣ Платона основывается тотъ же фактъ и у Плутарха (Alc. с. 1)

численныя свиты прислужниковъ, и на другое довольство Персовъ,—тебѣ будетъ стыдно за самого себя, ты увидишь, какъ далеко отсталъ отъ нихъ. Потомъ, если захочешь обратить вниманіе на разсудительность, благонравіе, ловкость, ласковость, великодушіе, добропорядочность, мужество, терпѣливость, трудолюбіе, стремленіе къ добродѣтели и честолюбіе Лакедемонянъ; то во всемъ этомъ признаешь себя дитятею. А когда еще остановишься на богатствѣ, и по богатству будешь придавать себѣ нѣкоторое значеніе; то и тутъ мы можемъ сказать, въ какомъ ты найдешь себя состояніи. Пожелай только обозрѣть лакедемонскія богатства, и узнаешь, что здѣшнее далеко отстало отъ тамошняго. Никто не будетъ сомнѣваться какъ въ обширности, такъ и въ добротѣ земли, которою они владѣютъ и у себя, и въ Мессинѣ; всѣмъ извѣстно, какое множество у нихъ рабовъ, особенно илотовъ, также лошадей и другаго скота на пастбищахъ мессинскихъ ¹. Но я оставляю все это, говорю только, что золота и серебра нѣтъ столько въ цѣлой Элладѣ, сколько находится его въ одномъ Лакедемонѣ ². Въ продолженіе многихъ поколѣній оно стекается туда отъ всѣхъ Эллиновъ, а нерѣдко и отъ варваровъ, выхода же ему нигуда нѣтъ. Это точно какъ въ Езоповой баснѣ лисица говоритъ льву: слѣды денегъ, втекающихъ въ Лакедемонъ, видны, а вытекающихъ изъ него никто и нигдѣ не видитъ. Отсюда легко понять, что тамошніе жители золотомъ и серебромъ богаче всѣхъ Эллиновъ, особенно же царь ихъ; потому что важнѣйшіе и бѣльшіе изъ такихъ доходовъ назначены царямъ. Сверхъ того, не мала и подать, которую Лакедемоняне платятъ своимъ государямъ. Впрочемъ, в. какъ ни велики богатства Лакедемонянъ, въ сравненіи съ

123.

¹ Олимпіодоръ (р. 162) и Схولیастъ при этомъ приводятъ стихъ Тиртея: *Μετρήτην ἀγαθὸν μὲν ἄροῦν, ἀγαθὸν δὲ φύτευειν.*

² О богатствѣ Лакедемона Платонъ упоминаетъ также въ Иппіасѣ большею (р. 283 D) Что Лакедемонъ во времена Платона былъ дѣйствительно такъ богатъ и сказаніе Платоново въ этомъ отношеніи не преувеличено, явствуетъ изъ изслѣдованій Бекка (Oecon. Athen. T. I, 32. T. II, p. 138 sq.)

эллиническими, но въ отношеніи къ богатству Персовъ и ихъ царя, они ничего не значать. Когда-то я слышалъ отъ чело-
вѣка достовѣрнаго ¹,—отъ одного изъ тѣхъ, которые са-
ми ѣздили къ царю: онъ рассказывалъ, что проѣзжалъ чрезъ
обширную и прекрасную область, простирающуюся почти
на цѣлый день пути, и что эту область туземцы называ-
ютъ поясомъ царицы. Есть будто бы и другая, называемая
с. опять головнымъ покрываломъ. Есть и нѣсколько столь же
обширныхъ и прекрасныхъ мѣстъ, назначенныхъ для укра-
шенія царской жены, и каждое изъ нихъ носить названіе
особаго ея наряда. Итакъ я думаю, еслибы кто матери царя
и женѣ Ксеркса, Аместрисѣ ², сказалъ, что съ ея сыномъ за-
тѣваетъ состязаться сынъ Димонахи, которой нарядъ стоитъ,
можетъ быть, много какъ минъ пятьдесятъ, а у самого сы-
на земли въ Эрхій не будетъ и трехъ-сотъ плетровъ: то она
удивилась бы, на какія же средства полагается этотъ Алки-
d. виадъ, затѣвая вступить въ борьбу съ Артаксерксомъ, и ка-
жется, замѣтила бы, что у него быть не можетъ никакихъ
другихъ способовъ, кромѣ старанія и мудрости; потому что
у Грековъ только это имѣетъ цѣну. А когда донесли бы ей,
что тотъ же самый Алквиадъ рѣшается на такое предпрія-
тіе, во-первыхъ, не имѣя отъ роду и полныхъ двадцати
лѣтъ, во-вторыхъ нисколько не приготовившись къ тому

¹ Я слышалъ отъ чело­вѣка достовѣрнаго. Олимпіодоръ (р. 167) полагаетъ, что Сократъ разумѣетъ здѣсь Ксенофонта, который совершилъ походъ въ Персію, чтобы подать помощь Киру младшему противъ брата его Артаксеркса, и могъ узнать о подробностяхъ въ жизни персидскихъ царей. Этого же мнѣнія держатся и другіе писатели, какъ-то Геродотъ (II, 98), Цицеронъ (Verr. III, 33) и проч. Но еслибы Платонъ слышалъ это отъ Ксенофонта, то написаніе Алквиада надлежало бы отнести ко времени, послѣдовавшему за смертію Сократа, что невѣроятно.

² Матери царя и женѣ Ксеркса, Аместрисѣ. Эта Аместриса, жена Ксеркса, не была ли царица Эсвирь,—ученымъ образомъ изслѣдовалъ Весселингъ. (Obsev. II. 24. p. 25). Шестидесять минъ у Грековъ составляли талантъ (τάλαντον); а талантъ на наши деньги равнялся 250 руб. сер.; слѣдовательно нарядъ Димонахи (въ 50 минъ) стоилъ около 208 руб. Плетръ (πλίθρον) у древнихъ Грековъ обнималъ пространство земли 240 футовъ въ длину и 120 въ ширину, т. е. заключалъ въ себѣ 28,800 квадратныхъ футовъ. Эрхія было селеніе въ демѣ эгейской, о которомъ см. *Diodor.* у Гарпократіона и *Исидій.*

ученіемъ, да сверхъ того, если любящій его человѣкъ совѣтуетъ ему напередъ учиться, упражняться, трудиться и потомъ-то уже состязаться съ царемъ,—онъ не хочетъ и **Е.** утверждаетъ, будто довольно ему быть и такимъ, каковъ есть; тогда она, думаю, изумилась бы и спросила: что же бы такое могло быть, на что этотъ мальчикъ надѣется? и какъ скоро мы сказали бы ей, что на красоту, знаменитость, происхожденіе, богатство и способности души; то, видя у своихъ все такое, она почла бы насъ, Алкивиадъ, сумасшедшими. Да хотъ взять Лампиду, дочь Леонтихида, **124.** жену Архидамъ ¹ и мать Агиса (всѣ эти мужи, извѣстно, были царями): вѣдь и она, видя, какъ велики способы ея родныхъ, удивилась бы, кажется, еслибы узнала, что ты, столь худо приготовленный, намѣреваешься состязаться съ ея сыномъ. А не стыдно ли, думаешь, что непріятельскія женщины лучше судятъ о насъ, какими намъ должно быть, возставая противъ ихъ гражданъ, нежели мы—о самихъ себѣ? Такъ повѣрь, почтеннѣйшій, и мнѣ и дельфійской надписи: «познай самого себя»—что это-то наши противники, а **В.** не тѣ, которыхъ ты представляешь, и что изъ нихъ ни одного не пересилимъ мы иначе, какъ стараніемъ и искусствомъ. Если въ этомъ будетъ у тебя недостатокъ, то не сдѣлаться тебѣ славнымъ между Эллинами и варварами, къ чему ты, кажется, стремишься, какъ никто ни къ чему не стремился.

Алк. Въ чемъ же должно состоять мое стараніе, Сократъ? Можешь ли сказать это? Вѣдь твои слова болѣе всего походятъ на правду.

Сокр. Пожалуй; однакожь поразсудимъ вмѣстѣ, какимъ бы образомъ сдѣлаться намъ лучшими. Вѣдь я не говорю, что тебѣ надобно учиться, а мнѣ нѣтъ; потому что между **С.** мною и тобою нѣтъ другаго различія, кромѣ одного.

Алк. Какого?

¹ Здѣсь говорится о спартанскомъ царѣ Архидамѣ III, товарищѣ Клеомена II. При концѣ его царствованія возгорѣлась пелопонезская война, которая, по его имени, называется также архидамскою. *Herman. Lex.*

Сокр. Того, что мой опекунъ лучше и мудрѣ твоего—
Перикла.

Алк. Кто же онъ, Сократъ?

Сокр. Богъ, который до настоящаго дня не позволялъ мнѣ
говорить съ тобою, Алквиадъ. Вѣря ему, я утверждаю,
что ты ни чрезъ кого другаго не достигнешь знамени-
тости ¹, кромѣ какъ чрезъ меня.

Алк. Шутишь, Сократъ.

D. *Сокр.* Можетъ быть; однакожъ то справедливо, что намъ
нужно стараніе. Нужно оно, лучше сказать, и всѣмъ лю-
дямъ, но намъ-то особенно.

Алк. Что нужно мнѣ, такъ это неложно.

Сокр. Да неложно, что и мнѣ.

Алк. Что же мы будемъ дѣлать?

Сокр. Не терять духа и не ослабѣвать, другъ мой.

Алк. Ужъ конечно не годится, Сократъ.

Сокр. Да, не годится; но должно изслѣдывать общими си-
лами. И вотъ скажи мнѣ: вѣдь мы объявляемъ, что хотимъ
сдѣлаться наилучшими? Не такъ ли?

E. *Алк.* Да.

Сокр. Въ какой добродѣтели?

Алк. Очевидно — въ той, по которой люди бываютъ
добрыми.

Сокр. Въ чемъ же они бываютъ добрыми?

Алк. Явно, что въ совершеніи дѣлъ.

Сокр. Какихъ? тѣхъ ли, которыя касаются лошадей?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Иначе мы пошли бы къ конюхамъ?

Алк. Да.

¹ Не достигнешь знаменитости—ή επιφάνεια—τοί ἔσται.—Люди въ обществѣ замѣтные или знаменитые у Платона называются *ἐπιφανεῖς*. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ же смыслѣ онъ могъ употребить и *ἐπιφάνεια*, какъ употребляютъ его—Isaеus р. 167 τὸ μέγιστος τῶν δικῶν ἐπιφανεῖαν τινα ἐποίησεν *Diodor.* XIX. 1. διὸ καὶ τῶν πόλεων ἔναι τοὺς ἰσχυρόντας μάλιστα τῶν πολιτευομένων ὑποκτεῖνυσθαι καθαιροῦσθαι αὐτῶν τὰς ἐπιφανεῖας. Поэтому Шлейермахеръ и Астъ не имѣли никакой причины почитать это слово не платоническимъ.

Сокр. Такъ скажешь, корабельныхъ?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потому что тогда мы пошли бы къ корабельщикамъ?

Алк. Да.

Сокр. Какихъ же дѣлъ? какія дѣла совершаютъ они?

Алк. Тѣ, которыя свойственны честнымъ и добрымъ Аѳинянамъ.

Сокр. Но честными и добрыми ты называешь умныхъ, ^{125.} или неумныхъ?

Алк. Умныхъ.

Сокр. Слѣдовательно всякій умный—добръ?

Алк. Да.

Сокр. А кто неумень, тотъ золъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Ну вотъ сапожникъ уменъ ли въ шитьѣ обуви?

Алк. Конечно.

Сокр. Стало быть, въ этомъ онъ добръ?

Алк. Добръ.

Сокр. Что жъ? а въ шитьѣ одежды сапожникъ не уменъ?

Алк. Да.

Сокр. Значить, въ этомъ онъ золъ?

Алк. Да.

Сокр. Такъ изъ нашихъ словъ вытекаетъ, что одинъ и тотъ же—и золъ и добръ. В.

Алк. Явно.

Сокр. Но неужели ты допустишь, что люди добрые суть также и люди злые?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Кого же ты назовешь добрыми?

Алк. Тѣхъ, которые въ состояніи начальствовать въ городѣ.

Сокр. Вѣрно ужъ не надъ лошадьми?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. А надъ людьми?

Алк. Да.

Сокр. Больными?

Алк. Не думаю.

Сокр. Плавающими?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Собирающими жатву?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Такъ они ничего не дѣлають? или что-нибудь дѣлають?

С. *Алк.* Говорю, дѣлають.

Сокр. Что же такое? потрудись открыть мнѣ.

Алк. Они находятся во взаимныхъ сношеніяхъ и пользуются одинъ другимъ, такъ какъ мы живемъ въ городахъ.

Сокр. Значить, ты говоришь о начальствованіи надъ тѣми людьми, которые пользуются одинъ другимъ?

Алк. Да.

Сокр. То-есть о начальствованіи надъ вахтенными, которые пользуются матросами?

Алк. Не то.

Сокр. Потому что это—дѣло кормчаго?

Алк. Да.

Сокр. Но, можетъ быть, ты говоришь о начальствованіи надъ флейщиками, которые управляютъ людьми въ пѣніи и пользуются ими въ пляскѣ?

Д. *Алк.* Нѣтъ.

Сокр. Потому что это опять есть дѣло хороводителя?

Алк. Конечно.

Сокр. Въ чемъ же бы, по твоему, люди пользуются людьми, когда можно бываетъ начальствовать надъ ими?

Алк. Я разумѣю людей, имѣющихъ участіе въ управленіи и сносящихся другъ съ другомъ; надъ ними-то начальствовать въ городѣ.

Сокр. Какое же это искусство? Еслибы я и теперь опять спросилъ тебя: какое искусство доставляетъ умѣнье начальствовать надъ людьми, участвующими въ мореплаваніи?

Алк. Искусство кормчаго.

Сокр. Потомъ, надъ людьми, участвующими въ пѣннѣ, Е. какъ сейчасъ говорили, какое знаніе дѣлаетъ начальникомъ?

Алк. То, о которомъ ты недавно упомянулъ, то-есть хороводительство.

Сокр. Что жъ? а надъ людьми, участвующими въ управленіи, какое поставляешь ты знаніе?

Алк. Благосовѣтливость, Сократъ.

Сокр. Какъ? да знаніе кормчихъ развѣ представляется тебѣ злосовѣтливостію?

Алк. Нисколько.

Сокр. Напротивъ, благосовѣтливостію?

Алк. Мнѣ кажется,—по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ ^{126.} спасенію мореплавателей.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Что жъ? а эта твоя благосовѣтливость, въ какомъ отношеніи—благосовѣтливость?

Алк. Въ отношеніи къ управленію городомъ и храненію его.

Сокр. Но что въ немъ бываетъ и чего не бываетъ, когда онъ подчиняется лучшему распорядку и храненію? Еслибы, напримѣръ, ты спросилъ меня: что есть и чего нѣтъ въ тѣлѣ, когда оно подчиняется лучшему распорядку и храненію? Я отвѣчалъ бы, что въ немъ есть здоровье и нѣтъ болѣзни. Не такъ ли и ты думаешь?

Алк. Такъ.

В.

Сокр. А еслибы ты опять спросилъ меня: когда глаза лучше? Я тотчасъ отвѣчалъ бы: когда бываетъ въ нихъ зрѣніе и не бываетъ слѣпоты. Тоже и уши бываютъ лучше и служатъ вѣрнѣе, когда въ нихъ нѣтъ глухоты и есть слухъ.

Алк. Правильно.

Сокр. Ну, а городъ? что въ немъ есть и чего нѣтъ, когда онъ бываетъ лучше и вѣрнѣе подчиняется управленію и распоряженіямъ?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что въ немъ есть взаим- С. ная любовь гражданъ и нѣтъ ненависти и раздоровъ.

Сокр. Но любовью ты называешь единомысліе, или разномысліе?

Алк. Единомысліе.

Сокр. Какимъ искусствомъ общества сохраняютъ единомысліе касательно чисель?

Алк. Ариѳметикою.

Сокр. Что жъ не имъ ли—и частные люди?

Алк. Да.

Сокр. И каждый съ самимъ собою?

Алк. Да.

Сокр. А чрезъ какое искусство каждый находится въ единомысліи съ самимъ собою касательно того, что болѣе, — пядень, или локоть? не чрезъ искусство ли измѣрять?

Д. *Алк.* Ну что жъ?

Сокр. И частные люди—другъ съ другомъ, и города?

Алк. Да.

Сокр. А что о вѣсѣ? не то же ли?

Алк. Полагаю.

Сокр. Но то-то упомянутое тобою единомысліе — что такое, и въ отношеніи къ чему оно? Какимъ оно устроится искусствомъ? Одинаково ли оно и въ частномъ человѣкѣ—съ самимъ собою и съ другимъ, - и въ городѣ?

Алк. Вѣроятно, одинаково.

Сокр. Такъ что же оно? Не полѣнись отвѣчать, скажи скорѣе.

Е. *Алк.* Я думаю, что любовію и единомысліемъ называется то, когда отецъ въ своей любви къ сыну согласенъ съ матерью, братъ—съ братомъ, жена—съ мужемъ.

Сокр. Но думаешь ли ты, Алквиадъ, что мужъ можетъ быть въ единомысліи съ женою касательно обработыванія шерсти, если онъ не знаетъ этого дѣла, а жена знаетъ?

Алк. Не думаю.

Сокр. Да и нельзя-таки; потому что это вѣдь ремесло женское.

Алк. Да.

Сокр. Что еще? жена можетъ ли одно мыслить съ мужемъ касательно вооруженія, когда она не знаетъ этого?

Алк. Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

127.

Сокр. Потому, вѣроятно, скажешь ты опять, что это-то вѣдь дѣло мужчины.

Алк. Конечно.

Сокр. Итакъ, по твоимъ словамъ, есть ремесла женскія и мужскія.

Алк. Какъ не быть?

Сокр. И ужъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нимъ, нѣтъ единомыслія между женами и мужьями.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно нѣтъ и любви, если только любовь есть единомысліе.

Алк. Кажется.

Сокр. Стало быть, жены, пока дѣлаютъ свое, не бываютъ любимы мужьями.

Алк. Повидимому, не бываютъ.

Сокр. Стало быть, и мужей, пока они дѣлаютъ свое, жены В. не любятъ.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Поэтому нехорошо живутъ города, когда въ нихъ всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Я думаю, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь? безъ любви, съ которою города, утверждали мы, живутъ хорошо, а не иначе?

Алк. Но мнѣ кажется, что въ нихъ потому-то и есть любовь, что тамъ тотъ и другой дѣлаетъ свое.

Сокр. Однакожъ недавно казалось не то. Какъ! теперь ты уже говоришь, что гдѣ нѣтъ единомыслія, тамъ бываетъ с. любовь? Развѣ можно имѣть единомысліе касательно того, что одни знаютъ, другіе не знаютъ?

Алк. Нельзя.

Сокр. А справедливо или несправедливо дѣлаютъ, когда всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Справедливо; какъ же иначе?

Сокр. Но если граждане въ городѣ дѣлають справедливо, то любви между ними не бываетъ?

Алк. Мнѣ опять кажется, Сократъ, что она необходимо должна быть.

Сокр. Такъ что же избираешь ты — любовь, или единомыслие? въ первой, или въ послѣднемъ должны мы быть мудры и благосовѣтливы, чтобы сдѣлаться людьми добрыми? Я никакъ не могу понять, что и въ комъ надобно предполагать. По твоимъ словамъ, это находится то въ однихъ и тѣхъ же, то не въ однихъ и тѣхъ же.

Алк. Но клянусь богами, Сократъ, что я и самъ не знаю, что говорю. Должно быть, я давно уже, безъ всякаго сознанія, запутался въ нелѣпости.

Сокр. Однакожь не унывай. Вѣдь еслибы ты началъ замѣчать за собою, имѣя отъ роду лѣтъ пятьдесятъ, то съ трудомъ могъ бы заботиться о себѣ; а теперъ у тебя тотъ самый возрастъ, въ которомъ надобно замѣчать за собою.

Алк. Что же, Сократъ, долженъ дѣлать человекъ, замѣчающій за собою?

Сокр. Отвѣчать на вопросы, Алкивиадъ. И если сколько-нибудь надобно вѣрить даже моему предсказанію, то, исполняя это, мы оба — ты и я, волею Божіею, сдѣлаемся лучшими.

Алк. Сдѣлаемся, если только дѣло-то зависить отъ моихъ отвѣтовъ.

128. *Сокр.* Хорошо; что же значить заботиться о себѣ? какъ бы намъ, по незаботливости о себѣ, иногда забывшись, не подумать, что заботимся? Когда дѣлаеть это человекъ? тогда ли онъ заботится о себѣ, когда старается о своемъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Напримѣръ, когда человекъ заботится о ногахъ? тогда ли, когда заботится о вещахъ, относящихся къ ногамъ?

Алк. Не понимаю.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь относящимся къ рукѣ? Напримѣръ, перстень къ чему бы болѣе могъ относиться въ человѣкѣ, какъ не къ пальцу?

Алк. Ни къ чему конечно.

Сокр. Такимъ же образомъ и обувь—къ ногѣ?

Алк. Да.

В.

Сокр. Такъ не заботимся ли мы о ногахъ, когда заботимся объ обуви?

Алк. Несовсѣмъ понимаю, Сократъ.

Сокр. Что же тутъ, Алкивиадъ? ты называешь что-нибудь правильною заботливостію объ извѣстной вещи?

Алк. Называю.

Сокр. И не тогда ли, говоришь, бываетъ правильная заботливость, когда кто дѣлаетъ что-нибудь лучше?

Алк. Да.

Сокр. Но какое искусство лучше дѣлаетъ обувь?

Алк. Сапожническое.

Сокр. Слѣдовательно объ обуви мы заботимся посредствомъ искусства сапожническаго?

Алк. Да.

С.

Сокр. Посредствомъ его ли и о ногѣ? имъ ли и ноги дѣлаемъ лучшими?

Алк. Имъ.

Сокр. Однакожь ноги мы дѣлаемъ лучшими не тѣмъ же ли, чѣмъ и прочее тѣло?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. И не гимнастика ли это?

Алк. Наиболѣе.

Сокр. Итакъ посредствомъ гимнастики мы заботимся о ногѣ, а посредствомъ сапожническаго мастерства—о томъ, что относится къ ногѣ?

Алк. Конечно.

D.

Сокр. Равнымъ образомъ, посредствомъ гимнастики—о рукахъ, а посредствомъ искусства дѣлать рѣзбу на перстняхъ—о томъ, что относится къ рукѣ?

Алк. Да.

Сокр. То же, посредствомъ гимнастики — о тѣлѣ, а посредствомъ ткацкаго и другихъ ремесль — о томъ, что относится къ тѣлу?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Слѣдовательно съ помощію одного искусства мы заботимся объ извѣстномъ предметѣ, а съ помощію другаго — о томъ, что относится къ этому предмету.

Алк. Явно.

Сокр. Итакъ, заботясь о своемъ, ты заботишься не о себѣ.

Алк. Вовсе не о себѣ.

Сокр. Потому что не одно и то же искусство, какъ видно, требуется для попеченія о себѣ и о своемъ.

Алк. Очевидно, не одно.

Сокр. Скажи же теперь: посредствомъ какаго искусства можно бы намъ позаботиться о самихъ себѣ?

Алк. Не умѣю сказать.

Б. *Сокр.* Но въ томъ-то по крайней мѣрѣ мы согласились, что оно должно клониться къ улучшенію не вещей, принадлежащихъ намъ, а насъ самихъ?

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Такъ знали ли бы мы когда-нибудь, какое искусство дѣлаетъ лучшую обувь, не зная обуви?

Алк. Невозможно.

Сокр. Равно какъ и то, какое искусство дѣлаетъ лучшіе перстни, не зная перстня?

Алк. Справедливо.

Сокр. Что жъ? можемъ ли мы узнать, какое искусство дѣлаетъ лучшими насъ, не зная, что такое мы?

129. *Алк.* Не можемъ.

Сокр. А легкое ли дѣло — узнать себя, и глупъ ли былъ тотъ, кто надписалъ это на пивійскомъ храмѣ? или оно трудно и не всякому по силамъ?

Алк. Эта надпись казалась мнѣ, Сократъ, иногда легкою для всякаго, а иногда — очень трудною.

Сокр. Легка она, или нѣтъ, Алкивиадъ; но у насъ положено, что, зная предметъ самъ по себѣ, мы тотчасъ узнали бы, какъ позаботиться о насъ самихъ: а не зная перваго, нельзя знать и послѣдняго.

Алк. Правда.

Сокр. Что жъ? какимъ бы образомъ открыть это само по В. себѣ¹? Тогда, вѣроятно, открылось бы вѣдь и то, что такое мы сами по себѣ. Напротивъ теперь, когда мы находимся въ незнаніи касательно того, намъ не открыть и этого.

Алк. Ты говоришь правильно.

Сокр. Вникни же, ради Зевса, съ кѣмъ ты теперь бесѣдуешь? не со мною ли?

Алк. Да.

Сокр. А я—съ тобою?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно лице бесѣдующее есть Сократъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А слушающее—Алкивиадъ?

Алк. Да.

Сокр. И Сократъ бесѣдуетъ не посредствомъ ли слова?

Алк. Какъ же иначе?

¹ *Какимъ образомъ открыть это само по себѣ—τιν' ἂν τρόπον εὐρεθείη αὐτὸ τὸ αὐτό.* Изъ дальнѣшаго изслѣдованія видно, что подъ этими словами надо разумѣть идею человѣческой природы, замѣчаемую не въ недѣлимомъ, а въ цѣломъ родѣ человѣчества. Это подтверждается слѣдующими ниже словами Сократа (130 D): *ὁ ἄρτι οὕτω πῶς ἐρρήθη, ὅτι πρῶτον σκοπεῖτον εἰλη αὐτὸ τὸ αὐτό, οὐκ δὲ ἀντι τοῦ αὐτοῦ αὐτὸ ἕκαστον ἐπκέμεθα, ὃ τί ἐστι, καὶ ἴσως ἐξαρκίται. οὐ γὰρ ποῦ κυριώτερον γε οὐδὲν ἂν ἡμῶν αὐτῶν φησαιμεν ἢ τὴν ψυχὴν.* Здѣсь *ἡμῶν αὐτῶν* очевидно означаетъ насъ, какъ недѣлимыхъ; а подъ именемъ «само по себѣ» Сократъ разумѣетъ душу саму по себѣ, или душу въ абстрактѣ, и это само по себѣ почитаетъ идеею человѣческой природы. Подобнымъ образомъ къ идеѣ чловѣка восходитъ и Василій Великій. Т. II, р. 18. С. *ἄλλο ἐσμέν ἡμεῖς αὐτοί, καὶ ἄλλο τὰ περὶ ἡμᾶς. Ἡμεῖς μὲν οὖν ἐσμὲν ἡ ψυχὴ καὶ ὁ νοῦς, ἡμέτερον δὲ τὸ σῶμα καὶ αἱ δι' αὐτοῦ αἰσθήσεις.* Тоже Маркобій (Saturn. 1. 13): *Ergo qui videtur, non ipse verus homo est; sed verus ille est, a quo regitur quod videtur.* И Цицеронъ (Somn. Scip. с. 8): *Nec enim tu es quem forma ista declarat; sed mens cujusque, is est quisque; non ea figura, quae digito demonstrari potest.* И Аристотель (Eth. IX, 4. 3): *τὸ νοοῦν ἕκαστος εἶναι δοκεῖ.*

С. *Сокр.* Но бесѣдовать и пользоваться словомъ ты, вѣроят-
но, считаешь за одно и то же?

Алк. Конечно.

Сокр. Напротивъ, лице пользующееся и то, чѣмъ оно
пользуется, не суть ли предметы различные?

Алк. Какъ это?

Сокр. Напримѣръ, сапожникъ рѣжетъ рѣзцомъ, ножомъ
и другими орудіями.

Алк. Да.

Сокр. Такъ не правда ли, что иное—тотъ, кто рѣжетъ
и пользуется, и иное—то, чѣмъ пользуется тотъ, кто рѣ-
жетъ?

Алк. Какъ не иное?

Сокр. Не такимъ же ли образомъ различаются — самъ
цитристъ и то, чѣмъ онъ играетъ на цитрѣ?

Алк. Да.

Д. *Сокр.* Вотъ объ этомъ-то я и спрашивалъ тебя сейчасъ;
то-есть, кажется ли тебѣ, что лице пользующееся и то,
чѣмъ оно пользуется, суть предметы всегда различные?

Алк. Кажется.

Сокр. Но что мы скажемъ о сапожникѣ: орудіями ли
только рѣжетъ онъ, или и руками?

Алк. И руками.

Сокр. Слѣдовательно и руками пользуется онъ?

Алк. Да.

Сокр. А не употребляетъ ли за работою и своихъ глазъ?

Алк. Да.

Сокр. Но мы согласились, что лице пользующееся и то,
чѣмъ оно пользуется, суть предметы различные?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть, сапожникъ и цитристъ—не то, что
руки и глаза, которыми они работаютъ?

Е. *Алк.* Явно.

Сокр. Не пользуется ли человѣкъ и всѣмъ своимъ тѣ-
ломъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А лице пользующеся, сказали мы, отлично отъ того, чѣмъ оно пользуется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно человѣкъ отличенъ отъ своего тѣла?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Что же такое человѣкъ?

Алк. Не могу сказать.

Сокр. Но вѣдь можешь сказать, что онъ есть нѣчто пользующеся тѣломъ?

Алк. Да.

Сокр. Что же иное пользуется имъ, кромѣ души? 130.

Алк. Не иное что.

Сокр. Поколикую душа управляетъ имъ?

Алк. Да.

Сокр. И я думаю, что этого-то уже никто иначе не понимаетъ.

Алк. Чего то-есть?

Сокр. Того, что человѣкъ есть по крайней мѣрѣ нѣчто одно изъ трехъ.

Алк. Изъ чего именно?

Сокр. Что это цѣлое есть или душа, или тѣло, или то и другое.

Алк. Что же болѣе?

Сокр. А между тѣмъ мы согласились, что управляющее-то тѣломъ есть человѣкъ?

Алк. Согласились.

В.

Сокр. Такъ неужели тѣло управляетъ самимъ собою?

Алк. Никакъ.

Сокр. Вѣдь мы сказали, что оно управляется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно искомое-то уже не оно?

Алк. Вѣроятно, не оно.

Сокр. Но, можетъ быть, тѣломъ управляетъ то и другое вмѣстѣ, и это-то есть человѣкъ?

Алк. Да, можетъ быть.

Сокр. Ужъ всего менѣе; потому что если изъ двухъ одно не управляетъ, то управлять обоимъ вмѣстѣ невозможно никакимъ образомъ.

Алк. Правда.

С. *Сокр.* Если же человѣкъ не есть ни тѣло, ни то и другое вмѣстѣ; то остается, думаю, заключить, что или вовсе нѣтъ ничего такого, или, когда есть, то человѣку всего приличнѣе быть душею.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Такъ нужно ли еще яснѣе доказывать тебѣ, что человѣкъ есть душа?

Алк. Нѣтъ, для меня и этого, клянусь Зевсомъ, кажется достаточно.

Сокр. Да пусть доказательство и не точно, а только посредственно, все-таки мы можемъ быть довольны; потому что рассматриваемый предметъ съ точностію узнаемъ не прежде, какъ открывъ то, что теперь, для избѣжанія долговременнаго изслѣдованія, пропустили.

Д. *Алк.* Что же такое пропустили мы?

Сокр. Пропустили недавно высказанную мысль, что напередъ нужно бы изслѣдовать «само по себѣ». Вѣдь вмѣсто «самого по себѣ» мы теперь изслѣдываемъ «само по себѣ отдѣльное, что такое оно», и этого, вѣроятно, будетъ достаточно; потому что въ насъ владычественнѣе-то души, вѣроятно скажемъ, нѣтъ ничего.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Значить, намъ хорошо будетъ думать, что я и ты, бесѣдуя другъ съ другомъ посредствомъ словъ, бесѣдуемъ душа съ душею?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Е. *Сокр.* Вотъ это-то самое мы недавно и сказали, что, то есть, Сократъ, при посредствѣ слова, бесѣдуя съ Алкивиадомъ, бесѣдуетъ, видно, не съ лицомъ его, а именно съ Алкивиадомъ, поколику онъ есть душа.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Слѣдовательно предписывающій познать самого себя велитъ намъ познать душу?

Алк. Вѣроятно.

131.

Сокр. Стало быть, кто знаетъ что-нибудь принадлежащее тѣлу, тотъ узналъ свое, а не себя.

Алк. Такъ.

Сокр. Поэтому ни одинъ врачъ не знаетъ себя, какъ врачъ, ни одинъ гимнастикъ,—какъ гимнастикъ.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. А земледѣльцы и другіе ремесленники, значить, ужъ очень далеки отъ самопознанія; потому что эти-то занимаются, какъ видно, и не своимъ, но такими дѣлами, которыя, по ремеслу, еще далѣе, чѣмъ свое. Они знаютъ вещи, относящіяся только къ служенію тѣлу.

Алк. Ты правду говоришь.

В.

Сокр. Итакъ если самопознаніе состоитъ въ разсудительности, то изъ этихъ людей никто не разсудителенъ по ремеслу.

Алк. Мнѣ кажется, нѣтъ.

Сокр. Оттого-то эти ремесла и представляются низкими, несвойственными человѣку порядочному.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Такъ еще однажды: кто заботится о тѣлѣ, тотъ заботится о своемъ, а не о себѣ?

Алк. Должно быть.

Сокр. А кто—о деньгахъ, тотъ—и не о себѣ, и не о с. своемъ, но о вещи еще болѣе далекой, чѣмъ свое?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Значить, ростовщикъ заботится даже и не о своемъ.

Алк. Правильно.

Сокр. Стало быть, кто полюбилъ Алкивиадово тѣло, тотъ полюбилъ не Алкивиада, а нѣчто принадлежащее Алкивиаду.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. Напротивъ, кто любитъ твою душу, тотъ — тебя?

Алк. Изъ сказаннаго необходимо слѣдуетъ.

Сокр. И кто любитъ твое тѣло, тотъ, когда оно перестаетъ цвѣсть, тотчасъ удаляется?

Алк. Очевидно.

Д. *Сокр.* Напротивъ, любящій душу-то не удалится, пока ты не устремись къ лучшему?

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. Вотъ я не удаляюсь, а остаюсь; между тѣмъ какъ другіе, видя, что твое тѣло отцвѣло, удалились.

Алк. Да и хорошо дѣлаешь, Сократъ; и не удаляйся.

Сокр. Старайся же быть, сколько можно, прекраснѣе.

Алк. Непремѣнно буду стараться.

Сокр. Такъ дѣло-то твое вотъ каково: выходить, что е. у Алквиада, сына Клиніасова, не было, какъ видно, и нѣтъ любителей, кромѣ одного, за то ужъ милаго ¹, то-есть кромѣ Сократа, сына Софрониска и Фенареты.

Алк. Правда.

Сокр. А не говорилъ ли ты, что я чуть упредилъ тебя своимъ приходомъ, что ты самъ хотѣлъ придти ко мнѣ и узнать, почему я не отстаю отъ тебя?

Алк. Да, говорилъ.

Сокр. Такъ вотъ и причина: я одинъ любилъ тебя, а всѣ другіе—твое. Но твое отцвѣтаетъ; напротивъ, ты начинаешь расцвѣтать. Поэтому теперь я уже не оставляю тебя, чтобы, подъ вліяніемъ аѳинскаго народа, ты не испортился и не сдѣлался хуже. А я очень боюсь, какъ бы, полюбивъ народъ, ты не испортился; потому что такому несчастію подвергались уже многіе и отличные Аѳиняне. Вѣдь народъ великодушнаго Эрехта ² носитъ прекрасную маску, а видѣтъ

¹ Кромѣ одного, за то уже милаго. Сократъ весьма кстати пользуется здѣсь выраженіемъ Омира о Телемакѣ (Iliad. β, 365): *μόνος ἐὼν ἀγαπητός*. Снес. Demosth. Mid. 43.

² Народъ великодушнаго Эрехта. Эрехта Аѳиняне почитали четвертымъ своимъ царемъ и полагали, что онъ былъ сынъ Земли, а по другимъ,—сынъ

его надобно во всей наготѣ. Смотри же, сохрани осторожность, о которой я говорю.

Алк. Какую?

Сокр. Сначала займись, мой другъ, и узнай все, что нужно знать для вступленія на поприще гражданскихъ дѣлъ; а прежде того—никакъ, чтобы тебѣ вступить съ запасомъ противодія и не подвергнуться бѣдѣ.

Алк. Ты, Сократъ, кажется, хорошо говоришь; но потрудись объяснить, какимъ бы образомъ намъ позаботиться о себѣ.

Сокр. Да это и прежде уже было много разъ опредѣлено. Мы вполне согласились, что такое мы, и только опасались, какъ бы не ошибиться въ этомъ и, мимо сознанія, не направить своего попеченія къ чему другому вмѣсто насъ.

Алк. Такъ.

Сокр. Послѣ этого намъ остается заботиться о душѣ и с. ее имѣть въ виду.

Алк. Явно.

Сокр. А попеченіе о тѣлѣ и имѣніи предоставить другимъ.

Алк. Почему не такъ.

Сокр. Какъ же бы намъ уразумѣть это со всею ясностію? Вѣдь узнавъ это, мы, какъ видно, узнаемъ и самихъ себя. Скажи, ради боговъ, не понятно ли для насъ, сколь хорошо говорить дельфійская надпись, о которой мы только что упоминали?

Алк. Къ чему клонится вопросъ твой, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, какой смыслъ и совѣтъ угадываю въ этой надписи. Подобій тутъ должно быть не много; сужу д. только по зрѣнію.

Алк. Что хочешь ты сказать?

Сокр. Размысли самъ. Еслибы она совѣтовала глазу, какъ теперь совѣтуетъ человѣку, и сказала: гляди на самого себя; то какъ поняли бы мы ея убѣжденіе? Не на то

Минервы и Вулкана. Bouillet Diction. de l'antiquité. Сократъ говоритъ здѣсь словами Омира (Iliad. β. 547) *ἄλκιμος Ἐρεχθῆος μεγαλήτορος, ὅν ποτ' Ἀθήνη εἰρέψεν.*

ли смотрѣть убѣждала бы она его, на что смотря, онъ видѣлъ бы себя?

Алк. Явно.

Сокр. Вникнемъ же, на что въ ряду существъ должны мы глядѣть, чтобы видѣть и это существо, и самихъ себя?

Е. *Алк.* Явно, Сократъ, что на зеркало, или на что другое въ томъ же родѣ.

Сокр. Ты говоришь правильно. Но нѣтъ ли чего-нибудь такого и въ глазѣ, которымъ мы смотримъ?

Алк. Конечно есть.

Сокр. Значить, ты замѣтилъ, что кто смотритъ на глазъ, 133. того лице въ противоположномъ ему зрѣніи отражается, какъ въ зеркалѣ, которое мы называемъ зрачкомъ, какъ бы то-есть куколкою лица смотрящаго?

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно глазъ можетъ видѣть себя тогда, когда смотритъ на глазъ и видитъ въ немъ самое лучшее, именно—то, чѣмъ онъ смотритъ?

Алк. Ясно.

Сокр. Если же онъ глядитъ на что другое въ человѣкѣ, или на какую-нибудь другую вещь, а не на то, что ему подобно, то не видитъ себя.

Алк. Правда.

В. *Сокр.* Итакъ, желая видѣть себя, глазъ долженъ смотрѣть на глазъ, а въ глазѣ—на то мѣсто, въ которомъ заключается сила глаза, что, вѣроятно, есть зрѣніе.

Алк. Такъ.

Сокр. Подобно тому и душа, любезный Алквивадъ, если хочетъ знать себя, не должна ли смотрѣть на душу, особенно же на то мѣсто въ душѣ, въ которомъ заключается ея сила (мудрость), и на другое тому подобное?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ.

С. *Сокр.* Но можемъ ли мы найти въ душѣ что-нибудь божественнѣе того, чѣмъ познаемъ и мудрствуемъ?

Алк. Не можемъ.

Сокр. Слѣдственно эта часть ея походить на божественную; и кто, смотря на нее, познаетъ все божественное (Бога и разумъ), тотъ-то особенно познаетъ и себя.

Алк. Видимо ¹.

Сокр. А познавать себя, сказали мы, есть дѣло разсудительности.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не зная самихъ себя и не будучи разсудительны, можемъ ли мы знать свое—зло и добро?

Алк. Да какъ же это могло бы быть, Сократъ?

Сокр. Тебѣ, конечно, представляется невозможнымъ — D. не зная Алкивиада, знать Алкивиадово, то-есть, что оно принадлежитъ Алкивиаду.

Алк. Это, клянусь Зевсомъ, невозможно.

Сокр. Слѣдовательно—и наше, что оно наше, не зная насъ самихъ?

Алк. Да какъ же?

¹ Видимо — φαίνεται. Послѣ этого Алкивиадова отвѣта Евсевій (Граер. Evang. p. 551) вноситъ въ текстъ Платона взятыя изъ Стобея (1. p. 408) слова, влагая ихъ въ уста Сократа:

Socr. Ἄρα ὡςπερ κάτοπτρα σαφέστερα ἐστὶ τοῦ ἐν τῷ ὄφθαλμῷ ἐνόπτρου καὶ καθαρώτερά τε καὶ λαμπρότερα. οὕτω καὶ ὁ θεὸς τοῦ ἐν τῇ ἡμετέρα ψυχῇ βελτίστου καθαρώτερόν τε καὶ λαμπρότερον τυγχάνει ὄν. *Alc.* Ἔοικε γε, ὦ Σώκρατες. *Socr.* Εἰς τὸν θεὸν ἄρα βλέποντες ἐκείνῳ καλλίστῳ ἐνόπτρῳ χρῶμεθ' ἅν, καὶ τῶν ἀνθρωπίνων εἰς τὴν ψυχῆς ἀρετὴν, καὶ οὕτως ἂν μάλιστα ὀρώμεν καὶ γιγνώσκωμεν ἡμῆς αὐτοῦς. *Alc.* Ναί.

Сокр. Слѣдовательно какъ отражающееся въ глазахъ ясное, чище и свѣтлѣе, чѣмъ глазное зеркало: такъ и Богъ въ нашей душѣ есть нѣчто чистѣйшее и свѣтлѣйшее передъ самымъ наилучшимъ въ ней. — *Алк.* Да и вѣроятно, Сократъ. — *Сокр.* Итакъ, смотря на Бога, могли бы мы пользоваться тѣмъ прекраснымъ зеркаломъ и въ отношеніи къ добродѣтели души въ дѣлахъ человѣческихъ, и такимъ образомъ особенно видѣли бы и познавали себя самихъ.— *Алк.* Да.

О подлинности этихъ словъ было много споровъ между учеными изслѣдователями Платонова текста въ Алкивиадѣ. Послѣдній, опровергавшій ихъ подлинность, былъ Штальбомъ. Но его доказательства представляются не довольно сильными. Не утверждая рѣшительно, что этотъ отрывокъ написанъ самимъ Платономъ, я нахожу однакожъ, что въ текстѣ онъ былъ бы весьма умѣстенъ, ибо не заключаетъ въ себѣ мыслей, Платону чуждыхъ, и не разрываетъ логическаго хода рѣчи.

Сокр. А если нельзя знать нашего, то нельзя знать и того, что относится къ нашему?

Алк. Очевидно нельзя.

Сокр. Стало быть, мы были не совсѣмъ правы, недавно согласившись, что иные хоть себя-то и не знаютъ, такъ Е. знаютъ свое. Напротивъ, они не знаютъ даже и того, что относится къ своему; потому что знать все это, то-есть, знать себя, свое и относящееся къ своему, есть дѣло, кажется, одного и того же искусства.

Алк. Должно быть.

Сокр. Но кто не знаетъ своего, тотъ, по тѣмъ же причинамъ, не можетъ знать и чужаго.

Алк. Какъ знать?

Сокр. А незнающій чужаго будетъ ли знать и то, что относится къ городамъ?

Алк. Это необходимо.

Сокр. Слѣдовательно такой человѣкъ не сдѣлается политикомъ.

Алк. Конечно не сдѣлается.

Сокр. Даже и экономистомъ.

134. *Алк.* Конечно нѣтъ.

Сокр. Да онъ и не будетъ знать, что дѣлаетъ.

Алк. Безъ сомнѣнія, не будетъ знать.

Сокр. Не зная же этого, не станетъ ли погрѣшать?

Алк. Конечно станетъ.

Сокр. А кто погрѣшаетъ, тотъ не станетъ ли дѣлать зло дома и въ обществѣ?

Алк. Какъ не дѣлать?

Сокр. Дѣлающій же зло не жалокъ ли?

Алк. И очень.

Сокр. А что тѣ, кому онъ это дѣлаетъ?

Алк. И тѣ также.

Сокр. Слѣдовательно, въ комъ нѣтъ разсудительности и доброты, тотъ не можетъ быть счастливымъ.

Алк. Конечно не можетъ.

Сокр. А потому люди злые суть люди жалкіе.

В.

Алк. И очень.

Сокр. Стало быть, избавляется отъ несчастія не разбогатѣвшій, а сдѣлавшійся разсудительнымъ.

Алк. Явно.

Сокр. Поэтому, Алквивадъ, города, желающіе сдѣлаться счастливыми, не имѣютъ надобности ни въ стѣнахъ, ни въ корабляхъ, ни въ гаваняхъ, ни въ большомъ количествѣ и величій народа, чуждаго добродѣтели.

Алк. Конечно не имѣютъ.

Сокр. Итакъ, если ты намѣренъ устроить дѣла города правильно и хорошо, то гражданамъ его долженъ передать добродѣтель.

Алк. Что же иное?

Сокр. Но можно ли передать то, чего не имѣешь?

С.

Алк. Какъ можно?

Сокр. Стало быть, добродѣтель долженъ ты напередъ пріобрѣсти самъ, или вообще — тотъ, кто намѣренъ принять на себя власть и попеченіе не только частно—о себѣ и о своемъ, но еще и о городѣ и о городскомъ.

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно не къ владычеству и начальствованію долженъ ты стремиться, чтобы дѣлать, что захочешь, для себя и для города, а къ справедливости и разсудительности.

Алк. Явно.

Сокр. Потому что, дѣйствуя справедливо и разсудительно, какъ ты, такъ и городъ, вы будете дѣйствовать богоугодно.

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. И, какъ мы прежде сказали, будете дѣйствовать, взирая на божественное и свѣтлое.

Алк. Очевидно.

Сокр. А взирая на это, увидите и узнаете какъ себя самихъ, такъ и свои блага.

Алк. Да.

Сокр. Тогда ваши дѣла не будутъ ли правильны и добры?

Алк. Да.

Е. *Сокр.* Если же такъ, то я готовъ ручаться, что вы будете счастливы.

Алк. Поруча весьма надежная.

Сокр. Напротивъ, дѣйствуя несправедливо, вы будете взирать на безбожное и мрачное ¹, а въ такомъ случаѣ, какъ и должно быть, не зная себя, станете совершать подобныя тому дѣла.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Вѣдь кто, любезный Алкивиадъ, имѣетъ власть дѣлать, что хочетъ, а ума не имѣетъ, тотъ—частное ли это лице, или городъ—до чего долженъ дойти? До чего дойдетъ больной, которому дана власть дѣлать, что угодно, а способность врачеванія не дана,—больной, который такъ тиранствуетъ, что никто не можетъ и укорить его? Не разрушится ли, какъ и слѣдуетъ, его тѣло?

Алк. Ты говоришь правду.

Сокр. А что бываетъ на кораблѣ, когда власть дѣлать, что покажется, ввѣрена тому, въ комъ нѣтъ ни ума, ни добродѣтели кормчаго? Знаешь ли, что случилось бы и съ нимъ и съ его спутниками?

Алк. Разумѣется, всѣ погибли бы.

Сокр. Не такое же ли бѣдствіе постигаетъ и города, и всѣ начальства и власти, чуждые добродѣтели?

В. *Алк.* Необходимо.

Сокр. Итакъ, почтеннѣйшій Алкивиадъ, не тираннію на-

¹ Будете взирать на безбожное и мрачное. Какъ заботящійся о самопознаніи созерцаетъ въ себѣ божественное и свѣтлое—*θεῖον καὶ λαμπρὸν*; такъ и незнающій себя не видитъ ни Бога, ни свѣта, и называется *ἄθεος καὶ σκοτεινός*. Эти послѣднія слова, повидимому, стоятъ въ ближайшей связи съ мыслями вышеприведеннаго Стобесва отрывка и, кажется, достаточно подтверждаютъ его подлинность. Штальбомъ отвергаетъ его, опасаясь навязать Платону мистическое представленіе: но это—обыкновенный недугъ германскихъ взглядовъ.

добно готовить себя и городу, а добродѣтель, если хотите счастья.

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Но пока добродѣтель еще не приобрѣтена, гораздо лучше управляться кѣмъ-нибудь добрымъ, нежели управлять—и мужу, нетолько что мальчику.

Алк. Явно.

Сокр. А что лучше-то, то и прекраснѣе?

Алк. Да.

Сокр. А что прекраснѣе, то и приличнѣе?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Значить, злу приличнѣе быть въ рабствѣ; по-сему что для него это лучше.

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, зло есть нѣчто, свойственное рабству.

Алк. Явно.

Сокр. Напротивъ, добродѣтель—нѣчто,носящее характеръ свободы.

Алк. Да.

Сокр. Но того, что свойственно рабству, другъ мой, не должно ли избѣгать?

Алк. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. А чувствуешь ли, въ какомъ ты теперь состояніи? въ томъ ли, которое свойственно свободѣ, или нѣтъ?

Алк. Кажется, чувствую,—и очень живо.

Сокр. И знаешь, какъ избѣгать настоящаго своего состоянія?—не хочу назвать его изъ уваженія къ почтенному человѣку.

Алк. Знаю.

Сокр. Какъ?

Алк. Если ты захочешь ¹, Сократъ.

Сокр. Нехорошо говоришь, Алкивиадъ.

D.

¹ Если, т. е., ты захочешь вывести меня изъ настоящаго моего состоянія.

Алк. Да какъ же надлежало сказать?

Сокр. Если захочетъ Богъ.

Алк. Такъ и говорю,—и прибавляю еще, что мы, должно быть, обмѣнимся ролями, Сократъ: я возьму твою, а ты—мою. Съ этого дня я не могу не ходить за тобою; ты будешь моимъ руководителемъ.

Е. *Сокр.* О, благородный человѣкъ! Такъ моя любовь ничѣмъ не будетъ отличаться отъ аистовой, если, воспитавъ въ тебѣ любовь пернатую, она сама станетъ пользоваться ею.

Алк. Точно такъ. Съ этого времени я начну стараться о справедливости.

Сокр. Желаю тебѣ и кончить тѣмъ же; но, не довѣря твоей натурѣ и видя могущество города, боюсь, какъ бы онъ не пересилилъ и меня и тебя.
